

ЗАКОН ДОЛГА



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Анна Бель

18+

Анна Бель

Закон долга

<https://litres.ru/74426354>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он привык выбирать семью.

Она никогда не имела права выбора.

Но любовь заставит их нарушить правила.

Сантино Готти — один из самых верных людей Даниэля Витторе. Для него семья, кровь и долг всегда были превыше всего. Он никогда не сомневался, кому принадлежит его верность.

Эмма Моретти выросла в другом мире. Её отец контролирует каждый шаг дочери и уже решил, за кого она выйдет замуж.

Но Сантино становится первым, кто не решает за неё, а даёт ей право выбирать.

Пока между семьями назревает новая война, старые враги возвращаются, а вокруг Витторе начинает затягиваться петля предательства, Сантино оказывается перед выбором, к которому его жизнь никогда не готовила.

Сохранить клятву, данную семье. Или рискнуть всем ради женщины, которую любит.

В мире, где долг сильнее желания, а кровь требует расплаты, любовь может оказаться самым опасным выбором.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	21
ГЛАВА 3	48
ГЛАВА 4	83
ГЛАВА 5	103
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Анна Бель

Закон долга

ДИСКЛЕЙМЕР

Данное произведение является художественным вымыслом.

Все персонажи, события, диалоги и описанные ситуации являются результатом авторского воображения.

Любые совпадения с реальными людьми, событиями или организациями случайны.

Книга содержит сцены и темы, которые могут быть эмоционально тяжёлыми или триггерными для некоторых читателей:

- организованная преступность и мафиозная среда;
- насилие и угрозы насилия;
- похищение и незаконное удержание;
- убийства и смерть персонажей;
- кровь, оружие и огнестрельные ранения;
- физическое и психологическое насилие;
- пытки и жестокое обращение;
- шантаж, манипуляции и эмоциональное давление;
- токсичные и контролирующие семейные отношения;
- принудительный брак и брак по расчёту;

- морально неоднозначные персонажи и поступки;
- доминирующая динамика в отношениях;
- сцены сексуального и чувственного характера;
- эмоциональная зависимость;
- травматический опыт и последствия травм;
- смерть близкого человека и переживание утраты;
- ненормативная лексика;
- употребление алкоголя и курение.

Книга предназначена исключительно для взрослой аудитории (18+).

Автор не пропагандирует насилие, преступную деятельность, принуждение, токсичные или деструктивные модели поведения.

Все сложные и противоречивые темы представлены исключительно в рамках художественного сюжета и не являются призывом к подражанию.

Цель произведения — исследование человеческих чувств, морального выбора, власти, ответственности, верности и цены любви в экстремальных обстоятельствах.

Если перечисленные темы могут быть для вас тяжёлыми или нежелательными, пожалуйста, учитывайте это перед началом чтения.

Моё имя — Сантино Готти.

Также меня знают, как бесстрашного друга Даниэля Витторе — Дона всех донов.

Прошло время с тех пор, как власть над Италией оконча-

тельно перешла в руки моего брата.

Прошло время с тех пор, как я потерял себя в её глазах.

Мои руки по локоть в крови. Я привык к этому запаху. К боли. К смерти. Я привык выполнять приказы и не задавать вопросов.

Но я никогда не мог подумать, что однажды эта кровь окажется кровью моей любимой женщины.

Я не забуду.

Я не прощу.

Я чуть не умер за своего Дона.

Но я также был готов принять пулю из его руки.

Потому что есть вещи, которые сильнее страха смерти.

Любовь. Долг. Кровь.

И когда тебе приходится выбирать между женщиной, которую ты любишь, и семьёй, которой ты поклялся быть верным, правильного выбора не существует.

Есть только цена.

И я готов её заплатить.

ГЛАВА 1

САНТИНО

Дом Джузеппе был именно таким, какими бывают дома людей, слишком долго пытавшихся доказать окружающим собственную значимость.

Золото, мрамор, хрусталь, картины в тяжёлых рамах. Огромные люстры, отбрасывающие свет на лица людей, которые улыбались друг другу так широко, будто за дверями этого дома не существовало ни долгов, ни крови, ни оружия.

Я остановился у входа, скользнул взглядом по залу и привычно отметил охрану.

Двое у главного входа, ещё один возле лестницы, камеры над дверями. Люди Джузеппе стояли слишком открыто — видимо, хозяин хотел показать гостям, насколько хорошо контролирует собственный дом.

Или хотел, чтобы мы так думали.

В нашем мире никогда нельзя было смотреть только на то, что тебе показывают. Стоило мне войти в зал, как ко мне тут же подошёл один из старых знакомых.

— Сантино! Чёрт, сколько лет!

Я едва успел повернуться, как на моё плечо обрушилась тяжёлая ладонь.

— Не преувеличивай. Мы виделись месяц назад.

— Для человека, который постоянно исчезает, месяц — это много.

— Возможно.

Я усмехнулся.

Мы обменялись несколькими фразами о делах, о порте, о каком-то человеке, который снова задолжал не тем людям, и уже через минуту разговор перетёк в шутки.

Я слушал вполуха. Мой взгляд привычно скользил по залу. Я знал почти каждого. Знал, кто кому должен. Кто с кем приехал. Кто сегодня слишком много выпил. Кто смотрит на меня. Кто пытается понравиться Даниэлю. Последнее, к слову, происходило довольно часто.

Я сделал глоток из фляжки и посмотрел через плечо. Даниэль стоял у дальней стены.

Мой Дон.

Он разговаривал с кем-то из людей Джузеппе, но я видел, что слушает вполуха. Его взгляд постоянно возвращался к залу. Даниэль никогда не расслаблялся полностью. Тем более на чужой территории.

Мы приехали сюда не ради красивого вечера. Для обычных людей подобные встречи были просто приёмами. Для нас — проверкой.

В Италии существовали семьи, которые могли десятилетиями сохранять улыбки на лицах, одновременно мечтая перерезать друг другу горло.

Витторе были одной из них.

И я был частью этой семьи.

Не по крови.

По клятве.

Я перевёл взгляд на зал.

Людей здесь было достаточно, чтобы устроить маленькую войну, если кому-нибудь вдруг вздумается нарушить правила.

Мужчины в дорогих костюмах. Женщины в платьях, стоящих больше, чем некоторые автомобили. Старые фамилии. Новые деньги. Люди, которые хотели казаться важнее, чем были на самом деле.

И несколько тех, кого я предпочёл бы видеть за прицелом.

Одна из девушек поймала мой взгляд и кокетливо улыбнулась. Я ответил ей такой же улыбкой — скорее по привычке, чем из интереса. Когда-то я бы уже через пять минут оказался рядом с ней. Но сегодня мне даже не хотелось допивать свой бокал.

— Ты вообще меня слушаешь? — спросил мужчина рядом.

— Конечно.

— И что я сказал?

Я посмотрел на него.

— Что тебе нужно меньше пить, мой друг.

Он рассмеялся.

Я хотел ответить, но мой взгляд снова ушёл в сторону.

И тогда я увидел её.

Сначала даже не понял, почему мой взгляд остановился. Девушка стояла немного в стороне от остальных. Казалось, что она старалась занимать как можно меньше места.

Рыжие волосы спадали на плечи. Яркие как осень В пальцах она держала бокал, но почти не пила. Время от времени кто-то обращался к ней, и она отвечала тихо, с едва заметной улыбкой.

Я сделал глоток из своей любимой фляжки и

Я должен был пройти мимо. Не прошёл.

— Сантино?

Я не ответил.

— Сантино.

— Что?

— Я спрашиваю, ты меня слушаешь?

Я наконец перевёл взгляд обратно.

— Да.

— Тогда почему смотришь туда?

Я усмехнулся.

— Куда?

Он посмотрел в ту же сторону.

— А-а.

В его голосе появилась улыбка.

— Понятно.

— Мне ничего не понятно.

— Конечно.

Я закатил глаза.

— Рико, твой бокал пустеет, не пора бы тебе обновить его?

Он рассмеялся и отошёл.

Я снова посмотрел на неё. Она как раз повернула голову. Наши взгляды встретились. Всего на секунду. Она тут же отвела глаза, будто ей стало неловко от того, что я вообще её заметил.

Я нахмурился. Странно. Обычно женщины смотрели на меня дольше, а эта — словно испугалась самого факта нашего взгляда.

Она что-то сказала девушке рядом и сделала шаг назад. Я проследил за её движением. Почему? Сам не понял. Мне не нравилось, когда я чего-то не понимал.

— Кто это? — спросил я у проходившего мимо официанта.

Он проследил за моим взглядом.

— Эмма Моретти.

Дочь Алдо Моретти.

Фамилия, которую в нашем мире произносили осторожно. Моретти контролировали Север и не любили, когда кто-то забывал об этом.

Я слышал об Эмме. Тихая дочь. Та, которую редко видели на подобных мероприятиях.

Она не выглядела слабой. Нет. В ней было что-то другое. Она просто привыкла не занимать лишнего пространства.

Девушка стояла у окна, слушая чей-то разговор, и слегка

улыбнулась. И в этот момент я подумал: интересно, какая она, когда ей не приходится бояться?

Я сам удивился этой мысли, потому что обычно мне было достаточно знать имя. Но сейчас мне нужно больше.

Мне вдруг стало интересно, какая она, когда ей не приходится следить за каждым своим движением.

Я поправил галстук и направился к ней.

— С таким выражением лица здесь обычно либо ненавидят всех, либо считают минуты до побега — сказал я, останавливаясь рядом.

Она вздрогнула. Совсем чуть-чуть, но я заметил. Медленно повернула голову. Зелёные глаза. Настороженные. Не любопытные. Не кокетливые.

Будто она сначала пыталась понять, опасен ли я, и только потом решить, стоит ли вообще отвечать.

— Простите?

— Я сказал, что вы выглядите так, будто мысленно уже попрощались с этим домом.

Она посмотрела на меня ещё несколько секунд.

— А вы всегда так бестактно разговариваете с людьми, которых видите впервые?

Я усмехнулся.

— Только когда они выглядят так, будто им нужна срочная помощь в виде моей непревзойдённой компании.

Она чуть приподняла бровь.

— Вы ошибаетесь. Я прекрасно провожу время.

— Вы уверены? Потому что мой радар поиска тех, кому нужна помощь, работает безупречно.

— Правда?

— Абсолютно.

Она едва сморщила брови.

— Тогда вам стоит проверить его настройки.

Я рассмеялся.

— Значит, всё-таки признаёте, что мой радар работает?

— Нет. Я признаю, что вы слишком высокого мнения о себе.

Я невольно улыбнулся. Она снова опустила взгляд на свой бокал.

— Для начала, вам следовало бы представиться.

— Справедливое замечание. Сантино Готти.

— Эмма.

— Просто Эмма? — уточнил я.

Она на секунду замялась.

— Эмма Моретти.

Вот теперь стало интересно.

— Моретти... — повторил я.

— И с чего вы решили, что я хочу отсюда уйти?

Я опёрся плечом о стену рядом с окном.

— Не знаю. Может быть, потому что за весь вечер вы ни разу не попытались сделать вид, что вам здесь весело.

— А разве обязательно делать вид?

Я задержал на ней взгляд.

— Нет.

Она подняла глаза.

— Тогда почему вы решили, что мне нужна ваша помощь?

— Я этого не решал.

— Только что вы сказали обратное.

— Я сказал, что вы выглядите так, будто вам нужна компания.

Она чуть нахмурилась.

— А если мне она не нужна?

— Тогда я уйду.

Ответ прозвучал проще, чем я ожидал. Она несколько секунд смотрела на меня. Потом тихо сказала:

— Пока можете остаться.

Я улыбнулся.

— Вот теперь вечер становится интереснее.

— Не обольщайтесь, — ответила она. — Это всего лишь разрешение постоять рядом.

Я тихо рассмеялся.

— Я понял.

Она снова отвернулась к окну. А я остался рядом. Почему-то мне впервые за долгое время не хотелось никуда спешить. Я посмотрел на бокал в её руках.

— Что вы пьёте?

Она опустила взгляд на напиток.

— Не знаю.

— Не знаете?

— Это шампанское, мне его принесли.

Я протянул руку.

— Дайте сюда.

Она посмотрела сначала на мою ладонь, потом на меня.

— Зачем?

— Хочу понять, чем здесь так старательно портят настроение гостям.

Уголок её губ дрогнул.

Но бокал она не отдала.

— Вам обязательно всё проверять самому?

— В большинстве случаев — да.

Не дожидаясь её ответа, я аккуратно забрал бокал из её пальцев. Она удивлённо посмотрела на меня, но ничего не сказала. Я сделал небольшой глоток. И тут же поморщился.

— Фу.

Эмма не выдержала и тихо рассмеялась.

— Что?

Я посмотрел на бокал так, словно он лично меня оскорбил.

— Какая кислятина.

— Вы просто не разбираетесь в напитках.

— Это вообще можно пить?

Она забрала бокал обратно.

— Мне нравится.

— Тогда я начинаю понимать, почему у половины людей в этом доме такие лица.

Она посмотрела на меня с любопытством.

— Какие?

— Будто они только что облизали лимон.

Эмма рассмеялась уже открыто. Я поймал себя на том, что смотрю на неё чуть дольше, чем собирался. Ей шёл смех. Гораздо больше, чем та осторожная улыбка, которую я видел раньше.

— А что пьёте вы? — спросила она.

Я достал из кармана свою фляжку.

— Вот это.

Она посмотрела на неё.

— И что там?

— То, чем люди спасаются от таких напитков.

Она улыбнулась.

— Вы ужасно самоуверенный.

— Мне часто это говорят.

— И вы никогда не думаете, что люди могут ошибаться?

— Очень редко.

Она покачала головой.

— Похоже, мне стоит держаться от вас подальше.

— Поздно.

— Почему?

Я сделал ещё один глоток из своей фляжки.

— Вы уже знаете, что я ужасно самоуверенный. Теперь вам стало интересно узнать, насколько.

Нашу беседу прервал мой друг, мой брат, мой Дон. Дани-

эль, выглядел разъярённым. Одежда была мокрой — видимо, он стоял под дождём. Когда он приблизился, Эмма заметно напряглась. Репутация Даниэля всегда опережала его самого.

— Нам пора уходить, — сказал он ровно.

Я лениво приподнял бровь.

— Кто-то умер? Или пока только собирается?

— Сантино. Идём.

Как бы мне ни хотелось остаться с таинственно-хмурой незнакомкой, спорить с братом сейчас было плохой идеей.

— До встречи, — сказал я и, усмехнувшись, добавил: — Синьорина, пообещайте, что больше не будете пить эту кислотину.

Эмма наградила меня самым колким взглядом из возможных.

— Я ничего вам не обещаю. Прощайте, синьор Готти.

Она развернулась и направилась в сторону сада. Мне вдруг захотелось предупредить её, что там идёт дождь, но Валерио уже был на пределе, и через минуту мы уехали из особняка.

Когда мы вернулись домой, я наконец сорвал с себя галстук. Дом Даниэля встретил нас тишиной, мраком, и тиканьем старинных часов. Прислуга испарялась, стоило нам переступить порог. Я по привычке попытался пофлиртовать с одной из домработниц — и тут же получил тряпкой по пле-

чу, когда наклонился её поцеловать.

Лёгкие женщины — мой выбор. Мне никогда не хотелось разбираться, что у них в голове. Обиделась она или нет — неважно. Любовь? Нет. Некоторые люди созданы для неё. А некоторым лучше даже не думать об этом. Я относился ко вторым. Стоит позволить чувствам взять верх над разумом — и всё. Можно считать, что ты пропал. А я слишком люблю свою свободу, чтобы так легко с ней расставаться.

Я устроился в любимом кресле и сделал глоток виски, который уже ждал меня на столе. И когда Фредо всё успевает? Но что-то было не так. Даниэль выглядел... иначе. Он всегда контролировал свои эмоции и не позволял взять им верх над собой. Сейчас же в нём было что-то тяжёлое, глухое. Он поднял на нас взгляд.

— Я облажался.

Фредо резко вскинул голову.

— Ты?

— Да, — я усмехнулся. — Наконец-то хорошие новости. Валерио чуть наклонился вперёд.

— Говори.

— Мирабель Моретти, — сказал он ровно. — Я не должен был к ней подходить. Я сделаю её своей, и мне плевать, какую цену придётся заплатить за мой выбор.

Комната стала тише, чем прежде. Фредо медленно выдохнул.

— Чёрт...

Он отвернулся и сделал глоток, словно ему нужно было спрятать реакцию. Его тревога была глубокой. Не за себя. Я усмехнулся. Я так и знал.

Я посмотрел на Валерио. Он уже всё понял. Как и я. Это больше не было обычной враждой между семьями. Если Даниэль решит забрать Мирабель, столкновение с Моретти станет неизбежным. А если за её спиной стоял кто-то ещё, последствия могли оказаться гораздо серьезнее. В нашем мире женщина никогда не была просто женщиной. За ней стояла семья, фамилия, союзы, долги и кровь.

— А я думал, ты просто захочешь её убить, — протянул я. — Ну, знаешь, по-твоему. Или сорвать планы её отца.

Валерио кивнул.

— Значит, это не игра.

— Ну... — я сделал ещё глоток. — У неё, кстати, неплохие кузины.

В памяти всплыло: «Не подходите ко мне. Я не люблю людей».

Фредо фыркнул, не удержавшись.

— Ты вообще можешь думать не членом?

— Иногда, — пожал я плечами. — Но это скучно.

Мы не стали расспрашивать Даниэля. Было видно — ему тяжело.

Мы никогда не лезли друг другу в душу. Каждый знал: если понадобится — скажет. Но сейчас был не тот случай. Остаток вечера мы провели за воспоминаниями о юности.

Когда Валерио ушёл спать, я тоже начал собираться.

— Сантино, можешь остаться, если хочешь, — сказал Даниэль.

— Предлагаю тебе провести эту ночь, думая о своей прекрасной принцессе.

Я протянул ему сухие салфетки. Он посмотрел на меня самым мрачным взглядом.

— Что? Ах да... — я усмехнулся. — И ты ещё говоришь, что это я думаю только о сексе.

В меня полетела подушка.

— Я отрежу тебе язык. Ты знаешь это.

— Тогда под твоим домом выстроится толпа разъярённых цыпочек, — спокойно ответил я. — И они будут очень злы, что ты отобрал у них любимую игрушку.

Даниэль шумно выдохнул и залпом осушил бокал.

— Пошёл ты, братец.

Я рассмеялся и вышел из дома. Подойдя к своему красному мустангу, я сел за руль. И почему-то мне вспомнились зелёные глаза и вкус плохого шампанского.

ГЛАВА 2

САНТИНО

Дорога до дома заняла меньше десяти минут.

Слишком близко к дому Витторе. Для меня — идеально. Я предпочитал жить там, откуда можно было быстро добраться до людей, за которых отвечал. В нашем деле расстояние иногда решало больше, чем оружие. Если Даниэлю требовалась помощь, я должен был оказаться рядом раньше, чем вопрос успевал стать проблемой.

Я свернул на узкую улицу, где дома стояли реже, а свет фонарей был приглушённым. Мой дом не кричал о деньгах и не пытался впечатлить каждого, кто проезжал мимо: строгий фасад, большие окна, высокие ворота.

Функционально. Мне нравилось именно так.

Я заглушил двигатель и несколько секунд посидел в машине, глядя на тёмные окна.

Внутри дома было тихо: прохладный камень, стекло, металл, серые и тёмно-синие оттенки. Никаких фотографий, семейных портретов и вещей, которые хотелось бы рассматривать.

Я не любил хранить прошлое на виду.

Прошлое и без этого слишком хорошо умело напоминать о себе.

На первом этаже располагался небольшой спортзал. Я часто спускался сюда поздно вечером, когда хотелось выбить из головы лишние мысли. Гантели, штанга, груша — всё стояло на своих местах.

Я понимал тело лучше, чем людей. Тело не лгало. Оно либо выдерживало, либо ломалось.

Я поднялся по лестнице на второй этаж. Спальня была просторной, большая кровать, тёмное постельное бельё, минимум мебели. Панорамные окна занимали почти всю стену. Вид из них был моим любимым местом. Город внизу был живым: огни, движение, редкие машины. С высоты всё выглядело проще, без интриг, без фамилий.

Я снял часы, пиджак, расстегнул рубашку и направился в ванную. Душ был горячим. Вода стекала по коже, смывая запах дождя, чужих домов, алкоголя. Я упёрся ладонями в стену и опустил голову, позволяя воде бить в шею.

Утро пришло без предупреждения. Я проснулся рано, как всегда, без будильника — привычка, от которой я не собирался избавляться. Как только я успел сделать глоток воды, когда телефон завибрировал.

Валерио:

— Заедешь сегодня в центр?

Сантино:

— Нет.

Ответ пришёл почти сразу.

Валерио:

— Я ещё не сказал зачем.

Сантино:

— Мне уже не нравится начало.

Валерио:

— Нужна книга рецептов.

Я несколько секунд смотрел на экран.

Сантино:

— Ты заболел?

Валерио:

— Нет.

Сантино:

— Тогда зачем тебе книга рецептов?

Валерио:

— Джемма попросила.

Я прикрыл глаза. Конечно.

Джемма.

Женщина, которая умудрялась заставить Валерио делать то, чего не смог бы добиться от него даже Даниэль. Она не принадлежала нашей семье по крови, но давно стала частью дома Витторе, работая в доме ещё при родителях Даниэля и Фредо. Она знала, когда кто-то из нас не ел, когда Даниэль не спал, когда Фредо снова пытался исчезнуть из дома без завтрака.

Сантино:

— И ты согласился?

Валерио:

— У меня был выбор?

Сантино:

— Всегда есть.

Валерио:

— Не в этом доме.

Я рассмеялся.

Сантино:

— Что она собирается готовить?

Валерио:

— Английскую кухню.

Я перечитал сообщение.

Сантино:

— Ты уверен, что она нас любит?

Валерио:

— Уверен.

Сантино:

— Тогда зачем пытается убить наши пармезановые души?

Валерио:

— Она сказала, что мы слишком часто едим итальянское.

Сантино:

— И решила отомстить с помощью фиш-энд-чипс?

Валерио:

— Говорит, что хочет разнообразия.

Сантино:

— Если на ужин появится варёная капуста, я официально объявлю Джемме войну.

Валерио:

— Поздно. Она уже купила капусту.

Сантино:

— Соболезную, брат. Эту порцию передаю тебе как старшему.

Валерио:

— Я старше тебя на несколько месяцев.

Сантино:

— Именно. Тебе нужно потреблять больше витаминов.

Валерио:

— Просто купи книгу.

Сантино:

— Два-три часа дороги ради книги с рецептами?

Валерио:

— Ты всё равно собирался в центр.

Я нахмурился. Не собирался. Но спорить с Валерио иногда было бессмысленно. Особенно когда он заранее знал, что в конце я всё равно соглашусь.

Сантино:

— Какую искать?

Через несколько секунд пришёл список.

Я посмотрел на него.

Потом на часы.

Потом снова на список.

Сантино:

— Если Джемма приготовит мне капусту, я сожгу кухню.

Валерио:

— Книгу?

Сантино:

— Кухню.

Валерио:

— Вот теперь узнаю своего Сантино.

Я убрал телефон.

— Идиоты, — пробормотал я.

Но улыбался.

На первом этаже меня ждала кухня. Просторная, строгая. Здесь хозяйничала только одна женщина — синьора Патриция. Она приходила по понедельникам и пятницам, и этого было достаточно. Взрослая, спокойная, с твёрдым взглядом и без лишних вопросов. Она готовила так, как я любил — сытно, просто, без изысков.

Я любил плотно поесть. Сегодня Патриции не было, но она оставила на столе контейнер с едой. Я быстро поел, переоделся и через несколько минут уже выезжал в сторону центра.

Книжный магазин. Рецепты. Обычное утро.

Я припарковался неподалёку и несколько секунд посидел в машине. Заехать, купить книгу, уехать. Пять минут — и никакой лирики.

Книжный магазин оказался именно таким, каким я его и представлял: слишком тихим, слишком узким, слишком рас-

полагающим к мыслям, которые лучше держать при себе.

Колокольчик над дверью звякнул, когда я вошёл. Запах бумаги и пыли сразу ударил в нос. Полки тянулись до потолка, проходы были узкими, словно специально, чтобы люди случайно сталкивались плечами и извинялись друг перед другом. Не моё.

Продавец — пожилой мужчина в очках — мельком взглянул на меня и тут же вернулся к чтению. Отлично. Никаких разговоров.

Книга рецептов. Английская кухня. Валерио мне за это ещё ответит.

Я двинулся вглубь магазина, автоматически отмечая выходы и отражения в стекле. Привычка. Даже среди книг люди умудряются быть опасными. И тут я заметил первую странность: слишком ровная тишина. Даже листы не шуршали.

В конце прохода висело небольшое зеркало. Не для красоты — чтобы продавец видел, что происходит между полками. В отражении мелькнула фигура. Мужчина. Стоит, не двигается. Не читает.

Я взял первую попавшуюся книгу и пролистал пару страниц, делая вид, что меня интересуют рецепты овсянки. Потом положил её обратно. И тогда за спиной раздался голос: — Простите...

Я обернулся. Конечно. Это же самое обычное утро в моей жизни. Эмма Моретти стояла в двух шагах от меня, прижимая к груди тонкую книгу. Волосы собраны, взгляд насторо-

женный, будто она уже ждала, что я скажу что-то лишнее.

— Это уже начинает выглядеть как преследование, — заметил я.

Она моргнула. — Я... нет. Я просто хотела спросить.

— Я надеялся, — продолжил я, — что вы скажете: «Сан-тино, как хорошо, что вы здесь, я потерялась среди английских соусов».

Она нахмурилась.

— Вы всегда так разговариваете?

— Только когда нервничаю.

— Вы выглядите спокойным.

— Это обман. У меня может развиться клаустрофобия из-за этих узких проходов.

Она посмотрела на меня так, будто пыталась понять, шучу я или нет

— Мне нужна книга...А вы загораживаете проход. — Сказала она после паузы.

— Дайте угадаю. Английская кухня?

— Откуда вы знаете?

— У меня странное утро и ещё более странные поручения.

Она кивнула, не улыбнувшись. Ни намёка. Я указал на полку. — Вам туда. Там люди издеваются над продуктами особенно изощрённо.

— Это... шутка?

— Очень плохая. Но я стараюсь.

Она снова не рассмеялась. Только крепче сжала книгу. Ладно, подумал я. Значит, смеяться будем потом. Я заметил движение в зеркале. Мужчина сменил позицию. Стал ближе. Слишком внимательно смотрел в нашу сторону. Я сделал шаг в сторону, освобождая проход.

— Вы часто сюда приходите?

— Нет.

Я бросил взгляд на книги, потом снова на неё.

— Странно.

— Что?

— Вы приехали в Рим, чтобы купить книги?

Она чуть нахмурилась.

— А что в этом странного?

— Ничего. Просто я бы не стал ехать в другой город ради пары книг.

— А я поехала.

— Значит, книги хорошие.

— Очень.

Я усмехнулся.

— Теперь мне действительно интересно.

Она посмотрела на меня с лёгким недоверием.

— Что именно?

— Что может заставить человека потратить несколько часов дороги ради книжного магазина.

Эмма повернулась к полке.

— Вот это.

Я проследил за её взглядом.

Учебники английского.

— Английский?

— Да.

— Вы его изучаете?

— Уже некоторое время.

Она взяла одну из книг, пролистала несколько страниц и нахмурилась, рассматривая содержание.

— Хочу найти что-нибудь посложнее. Именно здесь можно купить нечто интересное: у хозяина этого магазина связи по всему миру, поэтому тут можно найти что угодно.

— А что ещё вы ищете?

Она провела пальцами по корешкам соседних книг.

— Право.

Я посмотрел на неё.

— Право?

— Да.

— Неожиданно. Вы собираетесь открыть филиал Оксфорда на Юге?

— Нет.

Она достала одну из книг и провела пальцами по обложке.

— Хочу продолжить заниматься.

— Значит, уже занимаетесь?

— Я хочу учиться в Англии.

На этот раз я не стал шутить.

— Вот зачем всё это.

Она кивнула.

— Да.

— А отец знает?

Улыбка исчезла.

— Знает.

— И?

— Ему не нравится эта идея.

Я усмехнулся.

— Разумеется.

— Он считает, что мне незачем уезжать так далеко, потому что, по его мнению, мне рано или поздно придётся выйти замуж. А для этого нет необходимости уезжать.

Я замолчал. Вот оно. В нашем мире мечты редко исполнялись. Их просто откладывали на потом. До свадьбы. До подходящего мужчины. До удобного момента. До тех пор, пока от мечты не оставалось ничего.

— И что вы собираетесь делать?

Она пожала плечами.

— Пока что?

— Пока что.

Она посмотрела на меня. В её глазах появилось что-то твёрдое.

— Я считаю, что это моя жизнь и у меня должно быть право выбирать.

— Вы абсолютно правы, глупо было бы отказаться от того, чего хотите, только потому, что кто-то другой решил, будто

вам это не нужно.

Эмма несколько секунд молчала.

— Вы даже не знаете меня.

— Это правда.

— Тогда почему вы так уверенно говорите?

Я задумался.

Наверное, потому, что впервые видел перед собой человека, который действительно чего-то хотел. Не денег. Не положения. Не внимания. Не чужого одобрения.

Она хотела просто выбрать свою жизнь.

— Потому что по вам видно, что для вас это важно.

Эмма опустила взгляд.

Я заметил, как её пальцы крепче сжали книгу.

— А если у меня ничего не получится?

— Тогда попробуете ещё раз.

Она тихо усмехнулась.

— Вы так легко это говорите.

— Потому что я не вижу смысла заранее проигрывать то, за что ещё даже не боролись.

Она посмотрела на меня.

И впервые за всё время в её взгляде не было настороженности. Только что-то очень похожее на благодарность. Она ничего не ответила, только чуть улыбнулась. И почему-то эта улыбка осталась у меня в голове дольше, чем должна была.

— Мне пора, — сказала она.

— Уже?

Она посмотрела на меня:

— Не говорите мне, что вы расстроились.

— Немного.

— Почему?

Я усмехнулся:

— Я ещё не закончил выяснять, что вы за человек.

— Возможно, вам не стоит всё выяснять сразу.

— Возможно.

Она сделала шаг к выходу, потом обернулась:

— До свидания, Сантино. Спасибо ещё раз.

— За веру в вашу великую английскую карьеру?

Она улыбнулась.

— За веру в меня.

Я на секунду замолчал. Потому что это прозвучало совсем иначе. И почему-то мне вдруг стало важно, чтобы она действительно уехала. Чтобы у неё получилось. Чтобы однажды она стояла где-нибудь в Лондоне, с этими же книгами в руках, и знала, что всё это было не зря.

Я посмотрел ей вслед. Она запомнила моё имя. Почему-то эта мелочь задержалась в голове дольше, чем должна была. Эмма уже почти дошла до выхода, когда я заметил двоих мужчин у двери.

Охрана Моретти.

Один открыл перед ней дверь, второй двинулся следом. Ни шага в сторону, ни возможности задержаться. Всё чётко, привычно, отработано до мелочей.

Эмма даже не посмотрела на них. Только на пороге вдруг обернулась. Наши взгляды встретились ещё раз. Всего на секунду. Потом дверь закрылась, и она исчезла за стеклом. Я медленно выдохнул.

Дочь Алдо Моретти.

Конечно, за ней будут следить. Но почему-то теперь, когда я знал её хотя бы немного, эта охрана выглядела иначе. Не как защита. Как клетка.

Дорога до дома Витторе была быстрой. Я любил скорость, я ощущаю себя живым. Я люблю держать контроль над ситуацией. Джемма встретила меня у входа так, будто ждала именно этого момента.

— О, наконец-то, — сказала она, вытирая руки о фартук.
— Я уже думала, ты забыл.

Я протянул ей книгу.

— Английская кухня. Если кто-то после этого умрёт — я не виноват.

Она рассмеялась и прижала книгу к груди, как что-то ценное.

— Валерио сказал, что ты ворчал.

— Я всегда ворчу. Это моя форма заботы.

Она покачала головой и вдруг, совершенно неожиданно, обхватила моё лицо ладонями и по-матерински похлопала по щекам.

— Ты хороший мальчик, Сантино. Просто притворяешься

вредным.

—Джемма, если ты кому-нибудь это скажешь, я буду отрицать, — пробормотал я.

—Ты же знаешь, что я кровожадный злодей.

— Конечно, знаю — улыбнулась она. — Иди уже.

Дом Витторе не славился своей заботой, уютом, но Джемма старается, напоминать нам о том, что мы обычные люди, которым нужна чуточка любви.

. Возможно, когда—нибудь этот дом приобретет хозяйку, которая вдохнет жизнь в эти стены.

Телефон завибрировал.

На этот раз — Даниэль.

— Да?

— Ты где?

Я оглядел гостиную.

— Внизу.

— Поднимись.

— Сейчас?

— Сейчас.

По его голосу я понял: это не просьба. Я убрал телефон в карман и поднялся на второй этаж. Дверь кабинета была приоткрыта. Я толкнул её и вошёл. Даниэль стоял у окна. Валерио сидел за столом. Перед ним лежала раскрытая папка.

Я сразу перестал улыбаться.

— Что случилось?

Валерио подвинул папку ко мне.

— Один из людей, отвечающих за порт, похоже, начал работать не только на нас.

Я открыл документы. Фамилия. Суммы. Даты. Маршруты. Несколько последних страниц были испещрены пометками.

— Сколько времени?

— Около месяца.

Я поднял взгляд.

— И вы только сейчас это подтвердили?

— Мы подозревали его раньше, — спокойно ответил Валерио. — Но подозрение — не доказательство.

Я снова посмотрел на бумаги. Порт был слишком важен, чтобы действовать на основании догадок. Через него проходили грузы, деньги и люди. Но самое ценное — информация.

Кто прибывает. Куда отправляется груз. Когда меняется маршрут. Какие машины проходят через наши точки. Одна проданная деталь могла предупредить чужих людей раньше, чем мы успеем понять, что нас уже ждут.

— Кому он передавал информацию?

— Пока не знаем.

Я закрыл папку.

Вот это уже было интереснее.

— Значит, нужно выяснить не то, что он предатель, а кто его купил. Что от меня нужно?

— Выясни, кто стоит за ним, — сказал Даниэль. — И сделай это тихо.

Я усмехнулся.

— Как обычно.

— Нет, Сантино. В этот раз — особенно тихо.

Я перестал улыбаться.

В голосе Даниэля было то самое предупреждение, которое я знал слишком хорошо.

— Есть причины?

— Если за ним действительно кто-то стоит, мы не знаем, насколько далеко они уже зашли.

Я снова открыл папку. Вот теперь это действительно было проблемой. Потому что в нашем мире предательство редко начиналось с выстрела.

Я провёл большим пальцем по краю папки.

— Когда нужен ответ?

— Завтра.

Я посмотрел на Даниэля.

— Ты серьёзно?

— Более чем.

Я коротко усмехнулся.

— Ладно.

Я забрал папку со стола.

— Разберусь.

Даниэль кивнул. Я вышел из кабинета, закрыв за собой дверь. В нашем мире предательство редко начиналось с выстрела. Оно начиналось с маленькой услуги.

Одной цифры.

Одного маршрута.

Одного имени, которое не должно было оказаться в чужих руках.

А заканчивалось всегда одинаково.

Кто-то платил за это кровью.

Я сел в машину, не раздумывая, и поехал туда, где не задают вопросов и не ждут ответов. Клуб был мне знаком до последнего поворота. Я слишком хорошо знал это место, слишком часто использовал его как выключатель для мыслей.

В клуб я приехал уже затемно. Город к этому часу менялся — становился честнее. Люди переставали притворяться, что им есть куда идти, кроме как друг к другу. Неоновая вывеска клуба мигала так же, как всегда, будто подмигивала: «Ты знаешь, зачем ты здесь».

Я знал.

Музыка встретила тяжёлым басом, который ощущался не ушами — грудной клеткой. Запах алкоголя, дорогих духов и пота смешивался в густой коктейль. Здесь никто не говорил о будущем. Здесь его не существовало. Я сел за бар.

— Виски. Без льда.

Бармен уже потянулся за бутылкой, но вдруг улыбнулся.

— Сантино.

Я поднял взгляд.

— Адамо.

— Давно тебя не видел.

— Ты успел соскучиться по мне?

— Конечно. Особенно по твоим щедрым чаевым.

Я усмехнулся.

— Вот теперь верю.

Он поставил передо мной стакан.

— Как всегда?

— Как всегда.

Я сделал глоток и кивнул в сторону бутылки.

— Хотя что-то здесь не меняется.

— Мы стараемся.

Я сделал глоток.

Музыка гремела со всех сторон, свет прожекторов скользил по залу, люди смеялись, танцевали и пытались выглядеть так, будто завтра у них не наступит.

Вполне привычный вечер.

— Сантино.

Я даже не обернулся.

— Если ты пришёл предложить мне новую кредитную систему, я тебя убью.

Управляющий рассмеялся и остановился рядом.

Он опёрся локтем о стойку.

— Давно не появлялся.

— Дел было много.

— А сейчас?

Я поднял стакан.

— Сейчас я отдыхаю.

— Тогда могу сделать твой отдых интереснее.

Я медленно посмотрел на него.

— Уже звучит подозрительно.

— Твои подружки ждут тебя.

Я усмехнулся.

— Вот теперь ты говоришь на понятном языке.

Он кивнул в сторону лестницы.

— Пошли.

Мы сделали несколько шагов.

Я открыл дверь комнаты и вошёл внутрь.

И, прежде чем закрыть её, почему-то вспомнил рыжие волосы. Всего на секунду. Потом выбросил мысль из головы. У меня был вечер. И я собирался провести его так, как привык.

Комната была знакомой. Слишком знакомой. Полумрак, мягкий свет, одна кровать. Никаких картин, никаких деталей — только место, где люди забывают имена. Я сел, откинулся назад и закрыл глаза на секунду

Дверь открылась со скрипом. Девушка вошла уверенно, она знала, что делает. Полуголая, красивая, с телом, которое в других обстоятельствах заставило бы меня улыбнуться.

Рыжая.

Я закрыл глаза — и всё внутри сжалось. Не желание. Раздражение.

— Нет, — сказал я сразу.

Она остановилась.

— Санти, что-то не так? Если хочешь, я приведу подруж-

ку? — спросила она без обиды.

— Извини, красотка, сегодня ты не в моём вкусе.

Она вздёрнула подбородок и посмотрела на меня так — будто я лишь очередной хрен с тараканами в голове. Пожала плечами — легко, без лишних слов — и вышла.

Мне стало легче, и одновременно — хуже. Через минуту в комнату вошли две брюнетки. Они были разными, но одинаково умелыми: знали, куда касаться, когда смотреть, когда молчать. Я позволил им делать своё дело, а сам смотрел в потолок, считая трещины.

Тело реагировало.

Я — нет.

Когда всё закончилось, я молча дал им чаевые — щедрые, чтобы никто не задавал вопросов. Я оделся и вышел, не оглядываясь.

Ночной воздух был холодным. Я вдохнул глубоко, но легче не стало. Я не заметил, как сел за руль, как доехал до своего дома. Мне нужно быть в порядке. Нет. Я обязан быть в порядке. Я долго принимал душ, масла, которые наносили на себя девушки, были слишком пахучими и впитались в мою кожу. Нравится ли мне ощущать их на своем члене? Да. Нравится ли мне ощущать на себе их запахи? Нет.

Я плохо спал.

Тело лежало в кровати, под тёмным покрывалом, в комнате с панорамными окнами, где город обычно успокаивал. Но этой ночью он не помогал. В голове было слишком шумно.

Сначала — темнота.

Потом — резкий свет.

Мне снова восемь.

Я на улице. Асфальт тёплый, колени в пыли, ладони грязные. Мы играем с мальчишками — мяч летит слишком высоко, кто-то кричит, кто-то смеётся. Я не хочу уходить. Я вообще ничего не хочу, кроме как остаться здесь ещё чуть-чуть.

— Сантино! — зовёт мама.

Она стоит у машины. Светлое платье, волосы собраны небрежно. Папа уже за рулём, сестра на заднем сиденье — машет мне рукой и улыбается

— Я не хочу! — кричу я. — Мы ещё не закончили!

— Мы едем за покупками, — говорит папа. — Быстро.

Я упираюсь. Тяну время. Говорю глупости. Говорю, что ненавижу магазины. Что они могут ехать без меня.

Мама подходит ближе. Опускается на корточки, чтобы быть на одном уровне со мной. Пахнет чем-то тёплым — мылом, домом.

— Хорошо, — говорит она мягко. — Оставайся.

Она обнимает меня. Крепко.

— Но в девять ты должен быть дома. Обещаешь?

Я киваю. Мне уже всё равно, я победил.

— В девять, — повторяет она и целует меня в макушку.

Машина уезжает. Я снова смеюсь. Мяч летит. Время исчезает.

А потом вдруг становится десять. Улица пустеет. Мальчишек забирают по одному. Кто-то машет, кто-то убегает, кто-то оглядывается. Я остаюсь один.

Живот сводит от голода. И от чего-то ещё, чему я тогда не знал названия. Я сижу на бордюре и смотрю на дорогу. Машины проезжают мимо. Не те. Не наша. Наверное, они задержались, думаю я. Наверное, мама рассердилась.

Я иду к дому друга. Его мама — тётя Джулия всегда улыбается и часто зовет нас к ним в гости. Она жена местного копа, у них светло и пахнет едой.

Она открывает дверь сразу.

— Господи, Сантино, ты чего так поздно?

Я пожимаю плечами.

— Родители ещё не вернулись.

Она смотрит на меня чуть дольше, чем нужно. Потом кивает и ведёт на кухню.

— Идем скорее, тебе нужно поужинать.

Тарелка. Тёплая еда. Я ем жадно, почти не жуя. Руки дрожат. И тут звонит телефон. Звук резкий. Громкий. Тётя Джулия берёт трубку. Сначала просто слушает. Потом бледнеет. Садится. Говорит тихо, будто боится, что я услышу.

Но я слышу всё равно.

— Да...

— Понимаю...

— Он здесь.

Она кладёт трубку и долго смотрит на меня.

— Сантино... мой мальчик — начинает она и замолкает.
Я уже знаю.

Хотя никто ещё не сказал.

— Они попали в аварию, — говорит она наконец. — Твои родители.

Я жду продолжения.

Оно не приходит.

— Они... — она закрывает лицо рукой. — Мне очень жаль, малыш.

Я не плачу.

Я вообще ничего не делаю.

Тётя Джулия подходит ко мне. Она обнимает меня, не отпускает. Говорит, что всё будет хорошо. Что я не один. Что меня любят. Что мой дядя скоро прилетит в город.

Я не отвечаю. Я молчу. Слова где-то внутри, но они застряли. Как будто, если я заговорю, мир окончательно развалится. Проходит время. Я не знаю, сколько. Часы перестают иметь значение. Потом приезжает он. Брат моего отца. Он высокий. Чужой. Пахнет дорогой и сигаретами. Он садится передо мной на корточки, как мама раньше.

— Сантино, — говорит он тихо. — Я здесь.

И вот тогда что-то ломается.

Я плачу. Громко. Судорожно. Так, будто у меня вырывают воздух из груди. Я цепляюсь за его куртку, как за единственное, что осталось. Дядя подготовил все что нужно, чтобы проводить их в последний путь. Я отказывался идти туда,

но все же пошёл. Я не хотел видеть свою семью такой... В моей голове, мама осталась в белом платье и с выбившимися прядями волос, из ее причёски. Папа, одетый в оливковое поло и белые брюки, заводит машину. Моя сестрёнка... она..., её хвостики, розовый сарафанчик..., она машет мне рукой и просит с ней поиграть. В моей голове они навсегда останутся такими.

После похорон он увозит меня. Сицилия. Далеко. Жарко. Камень и море. Новый дом. Новые правила. Я смотрю в окно машины и думаю только об одном:

Если бы я тогда пошёл с ними возможно этого бы не произошло...

Я просыпаюсь резко. В своей кровати. В своём доме. В своём теле. Сердце колотится. Руки сжаты в кулаки. Горло болит так, будто я снова кричал. Я не включаю свет. Просто лежу и смотрю в темноту, зная, что некоторые вещи не заканчиваются никогда. Даже если тебе уже давно не восемь.

Сердце постепенно замедляется, но внутри всё ещё пусто и тяжело. Как после удара, который ты видел, но не успел закрыться. Я сажусь на кровати и провожу рукой по лицу. Ладони влажные. Во рту привкус металла.

Восемь лет. Один каприз. Одна фраза «не хочу». И мир сломался.

Я сел на кровати и провёл ладонью по лицу.

Люди любят говорить о выборе. О свободе. О том, что каждый сам решает, какой будет его жизнь. Красивые слова.

Я знаю другое. Иногда выбор — это не возможность. Это цена.

Я выбрал остаться. Мама обняла меня в последний раз. Родители погибли. Я выбрал не идти — и всю жизнь жил с последствиями.

С тех пор я больше не любил выбирать. Я выполнял. Защищал. Держал слово. Если давал обещание — исполнял его. Если становился частью семьи — оставался до конца. В этом было проще. Надёжнее. Безопаснее.

У меня были женщины, но не было отношений. Была свобода, но не было привязанностей. Были люди, за которых я мог умереть, но не было человека, ради которого я позволил бы себе стать слабым.

Я не выбирал чувства. Я не пускал их внутрь. Потому что чувства всегда давали человеку то, чего я боялся больше всего. Возможность потерять.

Я встал и спустился в спортзал. Металл встретил ладони холодом. Хорошо. Боль была простой. Честной. Управляемой.

Я взялся за штангу. Первый подъём. Второй. Третий. В голове снова появилась рыжая девушка из книжного магазина. Я сильнее сжал пальцы. Нет. Она была просто Эммой Моретти. Дочерью человека, которого я знал по делам. Девушкой с охраной. Девушкой, которая мечтала об Англии. Ничего больше. Пока.

Сделав ещё одно повторение, я впервые за много лет пой-

мал себя на мысли, что мне хочется узнать человека не для того, чтобы получить от него что-то. Просто узнать. И именно это мне совершенно не понравилось.

Я поставил штангу на стойку и выдохнул.

Мне нравилась моя жизнь. Я знал её правила. Знал свою роль. Знал, кому принадлежит моя верность. И знал главное: не выбирай то, за что потом придётся платить сердцем.

ГЛАВА 3

ЭММА

Я подъехала к дому и ещё из окна машины увидела знакомые белые колонны. Солнце скользило по светлым стенам, по мраморным ступеням, по окнам, за которыми уже начался очередной день моей жизни. Всё здесь было безупречным. Именно поэтому мне всегда казалось, что дому не хватает уюта.

За садом блестел пруд. В его гладкой поверхности отражалось небо, и я на мгновение увидела собственное лицо — бледное после бессонной ночи, с тревогой в глазах.

У старых качелей, на которых я когда-то проводила часы, тихо шевелились цепи. Рядом росло лимонное дерево.

Папа хотел его спилить. Называл лишним, ненужным, отвлекающим от порядка. Мама тогда впервые за долгое время настояла на своём.

Дерево осталось.

Наверное, поэтому я каждый раз смотрела на него дольше, чем нужно. Хотя бы оно напоминало мне, что когда-то здесь было место для детства.

Я переступила порог. Холод мрамора сразу сменился привычным запахом полированного дерева. Охрана вошла следом. Тихие шаги за спиной. Я даже не оборачивалась.

— Эмма, зайди в гостиную. — раздался приказной голос отца.

Я вздрогнула. Голос был ровным, но в нём слышался холодный оттенок контроля, который я знала с детства. Я сделала шаг вперёд, сердце забилось сильнее, ладони слегка вспотели.

В гостиной отец и мама уже сидели в креслах. Отец почти не изменился за последние годы. Невысокий, крепкий, с редкими волосами и лицом, на котором строгость давно стала привычнее улыбки.

Мама рядом с ним казалась совершенно другой. Белый костюм, рыжие волосы, собранные в аккуратный пучок, спокойный взгляд. Она была единственным человеком в этом доме, который приносил чуточку тепла в этот строгий дом.

— Где ты была снова? — спросил отец, голос, как всегда твёрдый. — Почему не явилась на завтрак и обед?

Я опустила взгляд, ноги тяжело переставлялись по ковру. Сердце колотилось, словно предвкушая наказание.

— Я... я ездила в магазин, — сказала я тихо.

Я знала, что каждый мой шаг под наблюдением, и каждое слово может быть подвергнуто сомнению. Я боялась, что он узнает о моей страсти к английскому — о том, что я ищу знания, которые отец считает ненужными и опасными.

— В магазин? — поднял бровь отец. Его взгляд сковывал меня, словно невидимые цепи.

Я кивнула. Робко, едва слышно:

— Там поступила новая партия книг, которые не всегда можно найти даже в крупных магазинах или заказать через интернет... и... мне очень хотелось их купить.

Мама сразу почувствовала моё напряжение. Она слегка наклонилась вперёд, словно мягкая волна между мной и жёсткой скалой отца.

— Это всего лишь хобби, Алдо, — сказала она мягко. — Ничего страшного. Наша девочка очень умная, мы должны поощрять её тягу к знаниям.

Я хотела, чтобы слова мамы достигли отца, но он только опустил голос ниже, как будто проверяя, осмелюсь ли я что-то сказать:

— И кто был рядом с тобой, Эмма? — спросил он.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Тот самый, который говорит: Не вздумай ошибиться. Я знала, что общение с мужчинами под запретом. И сразу поняла — кто-то доложил. Очевидно, охранник.

Я сжала руки в кулаках, сердце бешено колотилось, и я поняла, что, если скажу правду, Сантино окажется втянутым в бредни моей семьи. И я не могу этого допустить.

— Этот... парень просто искал кулинарные рецепты, — сказала я тихо, слова выходили с трудом. — Я просто под- сказала ему.

И тут я впервые в жизни обманула отца. Сердце замерло от страха.

Отец смотрел на меня долго, не моргая, казалось, что он

пытается проникнуть внутрь меня, найти то, что скрыто за моими словами.

В нашем мире девушкам запрещено оставаться с мужчиной наедине: такие правила не обсуждают и не нарушают, особенно если ты дочь человека вроде моего отца.

Я стояла, не смея дышать. Страх сковывал каждое движение. Мама мягко подошла ко мне и взяла за руки:

— Милая, ты что-то неважно выглядишь, — сказала она, взгляд тёплый, полный заботы. — Может, тебе прилечь немного?

Я почувствовала, как тревога начала медленно отступать. Мама поняла, что мне неловко говорить об этом мужчине — да и о мужчинах в целом. Она не стала задавать вопросов и не пыталась меня осудить.

Она знала, чего я боялась больше всего.

Того дня, когда отец объявит, за кого я выйду замуж.

Перед глазами тут же возникла Мирабель.

Моя кузина. Моя бедная Мирабель.

Её судьба пугала меня не меньше собственной. Дядя Рикардо — Дон Северного синдиката, и он уже решил, что Мира выйдет замуж за Франческо Меутти, одного из своих приближённых.

Он хитёр, как лис.

И мне страшно даже представить, что ждёт её рядом с таким мужчиной.

Мама просто взяла меня за руки, как когда я была малень-

кой, и дала почувствовать, что я всё ещё в безопасности.

Я знала, что, хоть отец и контролирует многое, хоть его взгляд пронизывает насквозь, есть человек, который всегда будет на моей стороне — мама. И это знание согревало меня даже тогда, когда я чувствовала, что на горизонте снова появится тревога и правила моей семьи будут давить на меня с новой силой.

Я поднялась по широкой лестнице, стараясь не шуметь, чтобы охрана не заметила моего дрожащего настроения. Каждый шаг отдавался лёгким эхом в пустом коридоре. Когда я открыла дверь своей спальни, то вдохнула полной грудью. Моя комната была белой и светлой: стены мягкого кремового оттенка, пол из тёплого светлого дерева. Здесь всё было моё: книги на полках, лёгкие ткани на кровати, запах лаванды из маленькой аромалампы на столике, фотографии с Мирабель и Габриэлой, висевшие на стенах. Это место было моим убежищем, и сейчас оно казалось единственным островком спокойствия.

Сев на кровать я оглядела комнату. Всё было на своих местах: книги выстроены по высоте, тетради лежали ровными стопками, карандаши аккуратно уложены в стакан. Даже покрывало на кровати было идеально натянуто, без единой складки. Для кого-то это могло показаться пустяком, но для меня каждый предмет, каждая линия имели значение.

Я вспомнила, как это началось.

Когда мне было лет семь, я играла в кабинете отца. Он был

строгий, просторный, полки с папками, документы, книги — всё это внушало ощущение порядка и контроля. Я тогда решила устроить «свой маленький эксперимент» — открывала папки, раскладывала бумаги, смешивала чернила, рисовала схемы. Моя детская радость была полной: линии не совпадали, цвета переплетались, на столе царил настоящий хаос.

И в этот момент вошёл отец.

Я помню, как его глаза сужались. Взгляд прошёл по беспорядку, по моим маленьким, хаотичным шедеврам. Его лицо стало красным, губы сжались.

— Эмма! — голос прозвучал громко, резко, как удар.

Он подошёл, и я почувствовала резкий толчок, боль, шок. Мама бросилась ко мне, словно щит. Рыжие волосы слегка растрепались, руки дрожали, но они обхватили меня и оттолкнули отца.

— Алдо! — крикнула она, взгляд полон ярости и страха одновременно. — Ты не можешь!

Но отец накричал на маму так, что её голос стал почти шёпотом от испуга:

— И это ты её так воспитала? Не научила, что нельзя совать нос куда попало?!

Я сжалась в уголке кабинета, слёзы текли сами, горло сжималось, дыхание становилось прерывистым. Я поняла одно: нельзя делать хаос. Нельзя нарушать порядок. Нельзя позволять себе ошибку.

С того дня я держала всё под контролем: комнату, вещи,

мысли. Даже чувства старалась не допускать к беспорядку. Любая линия на бумаге, каждый предмет на столе, каждый шаг в комнате — всё было на своём месте. Если что-то смещалось, что-то шло не так, моё сердце начинало сжиматься, как тогда, в кабинете отца.

Теперь я выросла, но привычка осталась. Это не просто порядок. Это защита. Это способ выжить. Способ сказать самой себе: Если я всё держу в порядке, меня никто не сможет ударить.

Я посмотрела на вещи, лежавшие на столе и сделала глубокий вдох. Всё как надо. И только в этих маленьких вещах я могла чувствовать хоть каплю безопасности.

Даже мысли старалась держать чистыми, не допускать хаоса. И когда кто-то нарушает этот порядок, даже случайно, в груди поднимается тревога. Холод, который напоминает: «Эмма, помни, что хаос может разрушить тебя.»

Рядом лежали книги, которые я купила сегодня утром. Я аккуратно взяла одну в руки. Тонкие страницы пахли свежей печатью, и я провела пальцем по обложке, представляя себе, что однажды смогу изучать всё это в Англии. Медленно я начала листать страницы, читая названия блюд, рецепты, странные сочетания вкусов и запахов, которых я никогда не пробовала.

Я закрыла глаза на мгновение и представила: мой будущий муж сидит рядом, смотрит на меня и улыбается. Он всегда поддерживает мои интересы, уважает мою страсть к зна-

ниям, разделяет мои маленькие радости. Он не смеётся, когда я увлечённо рассказываю о каком-то рецепте, не заставляет меня отказываться от того, что я люблю. Он просто рядом, и этого достаточно.

Глубоко вдохнув, обхватила книгу руками и прижала к себе. Пусть пока это только мечта, пусть пока это не более чем слова на страницах, но я решила, что буду держаться за неё. Даже если реальность вокруг диктует совсем другие правила.

И на мгновение, лёжа на кровати, я позволила себе улыбнуться. Никто не видел, никто не слышал. Только я и мои книги. И этот маленький, хрупкий мир, где я могу быть собой.

Я провела почти весь остаток дня в своей спальне, пытаюсь читать, но уже несколько страниц подряд перечитывала одну и ту же строчку. Когда мама вошла, я даже не сразу подняла голову.

— Эмма, пора ужинать.

Я закрыла книгу.

— Я не хочу.

Она не стала спорить. Только подошла к кровати и села рядом. Мама всегда следила за тем, чтобы мы ели вместе. Завтрак, обед, ужин — неважно, что происходило в доме. За столом мы должны были быть семьёй.

— Из-за отца?

Я кивнула. Несколько секунд она молчала.

— Почему он меня не понимает? — спросила я. — Поче-

му для него всё, чего я хочу, несерьёзно?

Мама посмотрела на меня.

— Потому что он смотрит на твою жизнь не так, как ты.

— Это я уже поняла.

— Для него твоя безопасность важнее твоих желаний.

— Безопасность? — я горько усмехнулась. — Он просто хочет выдать меня замуж.

Мама не стала отрицать.

— Да.

Одно короткое слово. И почему-то от него стало ещё тяжелее.

— Я не хочу всю жизнь быть выгодной партией. Я хочу учиться. Хочу сама выбрать, чем заниматься. Хочу знать, что могу чего-то добиться не только потому, что удачно родилась.

— Я знаю, милая.

— Тогда почему никто не пытается меня понять?

— Потому что понимать тебя и иметь возможность дать тебе то, чего ты хочешь, — не одно и то же.

Мама говорила спокойно. Слишком спокойно. Так она говорила только тогда, когда уже давно всё обдумала.

— Но есть кое-что, что мы можем попробовать.

Я подняла голову.

— Что?

Мама немного помедлила.

— Лондон.

У меня перехватило дыхание.

— Что?

— Я говорила с человеком, который занимается обучением в одной из академий. Если отец согласится, ты могла бы провести там два года. Программа ускоренная. Ты получишь образование, которое хочешь, и вернёшься домой до того, как вопрос о браке станет окончательным.

Я смотрела на неё, не веря собственным ушам.

— Ты правда думаешь, что отец согласится?

— Я думаю, что попробовать можно.

— Но он же против.

— Против того, чтобы ты уехала навсегда, — уточнила мама. — А два года он может воспринять иначе.

Впервые за весь день внутри меня появилось что-то похожее на надежду.

— Я могла бы поехать?

— Если он даст разрешение.

Я улыбнулась.

— Я бы училась там. Настоящая академия... Лондон...

В моей голове уже вырисовывались картинки того, как я гуляю по улицам с зонтиком, как пью чёрный чай и вдыхаю запах старинной библиотеки. Мама улыбнулась в ответ, но её улыбка была совсем не такой беззаботной, как моя.

— Не спеши радоваться.

— Почему?

Она взяла меня за руку.

— Потому что, даже если он согласится, это не изменит того, что будет после.

Я почувствовала, как улыбка медленно исчезает с моего лица.

— Мне всё равно придётся вернуться?

Мама не стала делать вид, что не понимает, о чём я.

— Да.

— Чтобы выйти замуж?

Она медленно кивнула.

Я опустила глаза.

— Я не хочу.

— Я знаю.

— А если я откажусь?

Мама тяжело вздохнула.

— Тогда тебе придётся столкнуться с последствиями этого решения. Мы родились в этом мире, дочка. До тебя и после тебя будет много невинных девушек, несогласных с правилами нашего порядка. Я знаю всё, что ты хочешь сказать мне; но поверь, я тоже мечтаю о том, чтобы ты была счастлива.

— Ты ведь понимаешь, почему отец так настаивает?

— Потому что ему всё равно, чего хочу я?

— Нет, Эмма.

Она сказала это мягко, но твёрдо.

— Потому что он считает, что в нашем мире женщина не может позволить себе роскошь выбирать только сердцем.

Я ничего не ответила. Мама провела ладонью по моим волосам.

— Мне не нравится многое из того, что происходит в нашей семье. И я не всегда согласна с твоим отцом. Но я слишком долго живу рядом с ним, чтобы не понимать, как устроены эти правила.

— А ты когда-нибудь хотела другой жизни?

Она замерла и на мгновение в её глазах промелькнуло что-то, чего я раньше не замечала.

— Конечно.

— И почему не уехала?

Мама посмотрела на меня.

— Потому что жизнь редко спрашивает нас, чего мы хотим.

Она чуть улыбнулась.

— Знаешь, иногда я думаю, как странно устроен наш мир. Когда у женщины рождается сын, она мечтает лишь о том, чтобы кровь как можно дольше не оказывалась на его руках. А когда рождается дочь — молится только об одном: чтобы ей достался спокойный дом и любящий муж.

Я почувствовала, как к горлу подступает ком.

— А Мирабель?

Она ненадолго замолчала, и в её лице появилась тихая тревога.

— Я смотрю на неё и всё чаще думаю о Софии.

Я ничего не сказала.

Я знала, о ком она говорит.

— Я столько лет видела, как твоя тётя жила с тем, что ей навязали, — продолжила мама тихо. — И каждый раз, когда я смотрю на Мирабель, мне хочется верить, что она не повторит судьбу её матери.

Она сжала мои пальцы.

— Я молюсь об этом, Эмма. Правда. Иногда только и остаётся, что молиться.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Ты думаешь, всё будет так же?

— Я не знаю.

Мама покачала головой.

— И именно поэтому мне страшно. Не за сегодняшний день. За то, что будет потом.

Она посмотрела в окно.

— Мирабель заслуживает большего, чем просто научиться жить с тем, что за неё решили другие. Поэтому я не хочу, чтобы ты жила в страхе раньше времени.

— Но ты сама боишься за меня?

Она посмотрела мне прямо в глаза.

— Очень.

Это было сказано настолько спокойно, что я почувствовала больше страха, чем если бы она начала меня успокаивать.

— Тогда зачем ты предлагаешь мне Англию?

— Потому что два года свободы — это всё равно два года свободы.

Она сжала мою руку.

— И, если я могу подарить тебе их, я попробую.

Я улыбнулась сквозь подступившие слёзы.

— Спасибо.

— Не благодари меня раньше времени. Сначала нам нужно убедить твоего отца.

Я впервые за долгое время рассмеялась.

— Это будет сложнее.

— Намного.

Мама поднялась.

— А теперь пойдём ужинать.

— Я всё ещё не хочу есть.

— Эмма.

Я удивлённо посмотрела на неё.

— Можешь не хотеть. Но поешь.

Я рассмеялась и поднялась следом. Столовая была залита мягким жёлтым светом. Большой длинный стол, идеально накрытый, как всегда. Всё выверено до сантиметра: тарелки, приборы, бокалы. Отец уже сидел на своём месте. Прямая спина, сцепленные пальцы, взгляд — острый, как нож.

Я села напротив него. Сердце билось так громко, что мне казалось, его слышно всем. Мы начали ужинать почти в тишине. Я не чувствовала вкуса еды. В голове крутились слова мамы: «Два года. Всего два года. Моя самая заветная мечта».

Я глубоко вдохнула. Если не сейчас — то никогда.

— Папа... — мой голос дрогнул, и я тут же пожалела, что

начала. — Я хотела спросить тебя кое о чём.

Он медленно поднял на меня взгляд.

— Говори.

Мама чуть выпрямилась на своём месте. Она уже знала, о чём я собираюсь попросить.

— Я... — я сжала салфетку в пальцах. — Я хотела бы пожить в Лондоне. Всего два года. Я могла бы учиться там в академии по ускоренной программе. Я вернусь, обещаю. Это... это моя мечта.

На несколько секунд в столовой повисла тишина.

Отец едва заметно усмехнулся.

— Забудь.

Я не сразу поняла, что он уже ответил.

— Но это всего два года...

— Я сказал: забудь.

Он положил нож и вилку рядом с тарелкой.

— Ты больше не будешь возвращаться к этому разговору.

— Почему?

Его взгляд стал тяжелее.

— Потому что я так решил.

— Но я хочу учиться.

— Твоя жизнь не состоит только из того, чего ты хочешь.

Я почувствовала, как внутри всё сжимается.

— Я могла бы получить образование. Потом вернуться. Я ничего не прошу у тебя, кроме двух лет.

— Ты просишь у меня разрешения уехать из дома на два

года.

— Потому что я хочу стать кем-то большим, чем просто выгодная партия.

Отец посмотрел на меня так, будто я сказала что-то нелепое.

— Выгодная партия?

— Да.

— И кто внушил тебе эту глупость?

Я промолчала.

— В нашем мире, Эмма, женщина не обязана строить собственную империю, чтобы иметь ценность. У неё другая роль.

— А если я не хочу этой роли?

— Захочешь.

От одного этого слова по моей спине прошёл холод.

— Ты даже не пытаешься меня понять.

— Потому что мне не нужно тебя понимать. Мне нужно думать о твоём будущем.

— Моём?

Я почувствовала, как к глазам подступают слёзы.

— Или о будущем семьи?

Его лицо изменилось.

— Осторожнее. Посмотри на Мирабель. Она тоже не хотела этого брака. Но она понимает, что такое долг. Твоя кузина покорно склонила голову перед решением Рикардо.

— Но ей больно.

— Боль пройдёт.

— А если нет?

— Тогда она научится с ней жить.

Я смотрела на него и почувствовала не просто обиду.

Страх.

— Я не хочу, чтобы со мной произошло то же самое.

Отец резко поднял глаза.

— Достаточно.

— Я хочу сама решить, с кем мне быть.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты ещё слишком мало знаешь о жизни, чтобы принимать такие решения.

— А когда, по-твоему, я буду знать достаточно?

Он ничего не ответил.

Я вытерла слезу со щеки.

— Когда ты уже всё решишь за меня?

— Я сказал — хватит.

Но я уже не могла остановиться.

— Я не хочу быть чьей-то женой только потому, что так удобно семье.

Отец медленно поднялся.

— А я не позволю своей дочери говорить со мной таким тоном.

— Алдо, — тихо вмешалась мама.

Он даже не посмотрел на неё.

— Сядь.

— Она всего лишь пытается объяснить, чего хочет.

Отец наконец повернулся к ней.

— Ты тоже решила вмешаться?

— Я пытаюсь защитить свою дочь.

— От чего? От её собственного отца?

Мама выдержала его взгляд.

— От того, что ты перестал её слышать.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Я слышу её прекрасно, — произнёс он. — Именно поэтому знаю, что она говорит глупости.

— Я не глупая! — мой голос сорвался. — Я хочу учиться!

Отец резко повернулся ко мне.

— И что дальше? Получишь образование и станешь кем?

В нашем мире мужчина должен знать, за что отвечает: семья, территория, люди, деньги, кровь. А женщина должна знать, какую семью она создаст и кому родит детей.

Мне стало тяжело дышать.

— А если я хочу большего?

Он посмотрел на меня почти с раздражением.

— Ты хочешь того, чего тебе никто не обещал.

Я почувствовала, как слёзы снова катятся по щекам.

— Я прошу дать мне шанс.

— Я не дам.

Мама резко встала.

— Алдо, прекрати!

— Не вмешивайся.

— Она твоя дочь!

В столовой стало тихо.

Отец медленно посмотрел на неё.

— Если бы вы, женщины, рожали нам сыновей, многое в этой семье было бы проще.

Мама побледнела.

— Что ты сказал?

— Ты слышала. Я всю жизнь живу в тени старшего брата. Его слово весит больше моего. Его дочь принесёт процветание семейному бизнесу, что строили наши отцы. А у меня что?

Он посмотрел на меня с отвращением.

— Дочь, которая мечтает уехать в Англию.

Я почувствовала, как что-то внутри меня оборвалось.

— Я не просила родиться девочкой...

Мама резко подошла к нему. Пощёчина прозвучала на всю столовую. Отец медленно повернул голову. На его щеке проступил красный след. Но страшнее всего было то, как спокойно он посмотрел на маму.

— Больше никогда, — произнёс он тихо, — не поднимай на меня руку.

— Тогда перестань заставлять меня защищать от тебя собственную дочь.

Я больше не выдержала: отодвинула стул и выбежала из столовой.

Я добежала до своей комнаты, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной. Колени подкосились, и я медленно сползла на пол.

Всё, о чём я мечтала, вдруг показалось настолько далёким, что я даже не знала, зачем продолжала держаться за эту мечту. Мир, в котором мне отводили роль, был слишком тесным. И слишком жестоким. Я закрыла лицо руками и заплакала — впервые не пытаюсь держать порядок ни в мыслях, ни в чувствах.

Мама пришла позже. Я лежала на кровати, отвернувшись к стене, и бездумно считала трещины на потолке.

— Милая...

Я не ответила. Мама подошла ближе.

— К тебе приходила Габриэлла.

Я резко повернулась.

— Она здесь?

В голосе впервые за весь вечер появилась надежда.

Мама покачала головой.

— Уже уехала.

Я снова легла лицом к стене.

— Папа не разрешил ей остаться. И тебе запретил выходить из дома.

Я закрыла глаза. Конечно. Даже теперь он решил за меня.

— Сказал, что тебе нужно побыть дома. Подумать.

Я посмотрела на неё и вдруг увидела то, чего раньше не замечала. Не злость. Не страх.

Стыд.

Ей было стыдно передо мной.

— Ты всю жизнь живёшь с ним... — мой голос дрогнул.

— Как ты вообще можешь?

— Эмма...

— Как ты можешь каждый день смотреть ему в глаза, если знаешь, что где-то внутри он винит тебя за то, что ты не родила ему сына?

Её молчание оказалось страшнее любого ответа. Она посмотрела на меня. В её глазах стояли слёзы, но она не позволила им упасть.

— Я научилась с этим жить.

— Как?

Она долго не отвечала.

— Не всё, с чем мы живём, мы принимаем, — наконец тихо сказала она. — Иногда мы просто учимся не позволять этому разрушить нас.

Я смотрела на неё и поняла, что моя мама не была слепой. Она всё знала. Знала, каким человеком был мой отец. Знала, что он никогда не простил ей отсутствие сына. Знала правила этого мира задолго до того, как я вообще начала их замечать. И всё равно осталась рядом.

— Мне стыдно, что ты слышишь это от него. Мне стыдно, что тебе приходится расти в мире, где такие слова считаются нормальными.

Я почувствовала, как слёзы снова обжигают глаза.

— А если однажды мой муж будет таким же?

На этот вопрос у неё не нашлось утешительной лжи.

Она просто посмотрела на меня и сказала:

— Тогда я буду молиться, чтобы ты оказалась сильнее меня.

Что-то внутри меня оборвалось. Я ничего не ответила. Просто отвернулась к стене. В груди было пусто, как будто из меня вытащили что-то важное, а на его место ничего не положили.

Ночь прошла почти без сна. Утром я долго не могла заставить себя встать. Мысль спуститься вниз, снова увидеть отца, снова чувствовать этот взгляд — сжимала горло. Но страх оказался сильнее желания спрятаться.

Я надела зелёное платье — простое, закрытое, спокойное. Такое, какое он одобрил бы. Долго расчёсывала непослушные волосы, пока они не легли ровно, аккуратно. Я всегда делала так, когда боялась: приводила себя в порядок, будто это могло защитить.

Когда я подошла к окну, сердце ёкнуло. Отец выходил из машины. В руках у него была папка с документами. Толстая, тяжёлая, перевязанная кожаным ремешком. Я почувствовала это сразу. Что-то случилось. Он никогда не приносил домой документы просто так. Я спустилась вниз и нашла маму на кухне.

— Всё в порядке? — спросила я тихо.

Она подняла на меня взгляд. В её глазах уже была тревога.
— Не знаю, милая. Он сегодня очень задумчивый. Я даже не заметила, когда он уехал.

Мы перешли в гостиную. Я села в кресло, выпрямив спину и сложив руки на коленях. Мама устроилась напротив. Она взяла чашку чая и медленно размешивала сахар.

Раз.

Другой.

Третий.

Ложка тихо ударялась о фарфор.

Я смотрела на неё и почему-то думала только о том, что этот звук скоро перестанет быть слышен. Дверь открылась. Отец вошёл без спешки. Он положил папку на стол. Не сел. Просто посмотрел на меня. Так смотрят не на дочь. Так смотрят на решение, которое уже принято.

— Всё, — произнёс он спокойно. — Можешь считать, что детство закончилось.

Я почувствовала, как похолодели пальцы.

— Я разговаривал с Риккардо и Микелем, — продолжил он. — Мы приняли решение.

Мама перестала размешивать чай.

Я не шевелилась.

— Тебя и Габриэllu выдают замуж. Микель, конечно, ещё сомневается, но я уверен: он примет правильное решение.

У меня заложило уши. Я услышала эти слова, но смысл дошёл не сразу.

— Ты выйдешь за ирландца и уедешь жить в Дублин.

Он позволил себе короткую усмешку.

— Ты ведь хотела за границу? Считай, я исполнил твою мечту.

Я перестала дышать.

Дублин.

Англия.

Учёба.

Моя мечта.

Он превратил её в насмешку.

Я замерла.

Как всегда. Когда становилось страшно, я не могла ни кричать, ни плакать. Я просто переставала двигаться.

Мама резко поставила чашку на стол.

Фарфор ударился о дерево.

— Алдо...

Он даже не посмотрел на неё.

— Изначально за ирландца должна была выйти Мирабель.

Я услышала её имя и словно на секунду вернулась в реальность.

— Но Риккардо понадобились обходные пути в торговле. Поэтому он отдаёт Мирабель за Франческо.

Он говорил спокойно. Деловым тоном. Будто обсуждал условия сделки.

— Связи с Ирландией нам нужны. Поэтому решение по тебе было принято заранее.

Мама побледнела.

— Ты даже не поговорил с ней.

Отец перевёл на неё взгляд.

— А о чём мне с ней разговаривать?

Я смотрела на него.

— О моей жизни...

Голос прозвучал настолько тихо, что я сама едва его услышала.

— Твоя жизнь — это не только твоё дело, Эмма.

Я почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

— После свадьбы Мирабель, — продолжил он, — через год выйдешь и ты.

Год. Одно слово. А мне показалось, что он только что закрыл дверь, за которой осталась вся моя жизнь.

— Твой жених — Финн Дойл. Кузен главы ирландской мафии.

Финн Дойл.

Имя прозвучало как приговор. Я не знала его. Не знала, сколько ему лет. Не знала, какой у него голос. Не знала, любит ли он книги, ненавидит ли дождь, умеет ли смеяться. Я даже не знала, как он выглядит. Но уже знала главное. Я стану его женой. Я посмотрела на маму. Она сидела неподвижно. Я увидела в её лице страх за меня.

— Алдо, — повторила она уже твёрже, — она твоя дочь.

— Именно поэтому я позаботился о её будущем.

— Ты не позаботился. Ты его отнял.

Он бросил на неё короткий взгляд.

— Достаточно.

Я больше ничего не слышала. Слова продолжали звучать где-то рядом, но словно через воду. Моя судьба. Моя свадьба. Финн Дойл. Через год.

Я сидела неподвижно и смотрела на свои руки. Ещё утром я мечтала о двух годах в Лондоне. Теперь мне оставалось меньше года до свадьбы с человеком, которого я никогда не видела.

Отец взял папку со стола.

— Завтра состоится помолвка Мирандэль. Поезжай к ней. Поможешь с подготовкой. Она в последнее время ведёт себя странно.

Я подняла на него глаза. Мне хотелось спросить, почему его волнует её состояние, если он знает, чем оно вызвано. Но я промолчала. Я уже поняла: здесь никто не спрашивал, чего я хочу. Отец вышел. И только тогда мама позволила себе опустить голову. Несколько секунд она сидела неподвижно. Потом прошептала:

— Прости меня.

Я посмотрела на неё, но не нашла в себе сил ответить. Дальше всё происходило будто не со мной. Я поднялась в свою комнату. Собрала вещи, которые понадобятся утром. Положила платье, косметичку, телефон, книгу, которую так и не дочитала. Потом несколько минут просто смотрела на неё. Мне больше не хотелось читать. Я позвонила Габриэлле.

— Габри...

— Я уже еду к тебе, — перебила она меня.

Я закрыла глаза. Конечно. Она уже знала. Через несколько минут я услышала автомобиль во дворе. Мы почти не разговаривали, когда сели в машину.

— Папа сказал, что он просто подумает, он сказал, что это выгодно, но он не хочет этого. Я ответила, что если он поступит со мной так, то может считать, что он лично убил меня. — Нарушила тишину Габриэлла.

Я медленно повернула к ней голову.

— Подумает?... — голос сорвался.

Она пожала плечами, но в этом жесте не было беспечности — только уверенность.

— Он не такой, как ваши. Ты же знаешь. Для него брак — это выбор, любовь. Он не продаёт своих детей.

Слова ударили сильнее, чем пощёчина. Не продаёт.

Я закрыла лицо ладонями. Воздух вышел из груди рывком, и слёзы потекли сами. Я плакала беззвучно, горько, сдавленно, будто боялась, что даже плач — это нарушение правил.

— Эмма... — Габри взяла меня за руку.

— Меня уже продали, — прошептала я. — Он сказал это так, будто речь шла о земле или о контракте.

Я рассказала ей всё: про документы в руках отца, про Дублин, про имя — Финн Дойл, про то, что через год после свадьбы Мирабель я тоже должна выйти замуж.

— Я даже не знаю его лица, — рыдала я. — Я не знаю, какой у него голос. Я не знаю, жестокий ли он, добрый ли. А он... он уже мой муж. На бумаге.

— Это неправильно, — сказала она тихо, но жёстко. — Это не должно быть так. Этот порядок выгодных браков, ломает нас. Они хотят только одного, робкого и покорного подчинения.

Машина свернула на знакомую дорогу. Дом Мирабель уже был виден впереди. Я вытерла слёзы, но внутри всё ещё было мокро и пусто. Мы прошли вдоль длинного коридора, который вёл нас в комнату Мирабель. Когда скрипучая дверь открылась, я не смогла сдержать себя.

— Всё, — выдохнула я и разрыдалась.

Я даже не помню, как оказалась на краю кровати. Только ощущение — будто меня сложили пополам и оставили так. Ладони закрыли лицо, но это не помогло. Слёзы находили путь наружу, как вода сквозь трещины.

Я слышала, как дверь захлопнулась.

— Это конец, — резко сказала Габриэлла. — Чёртов фарс.

Я всхлипнула сильнее.

— После твоей свадьбы... — я с трудом сглотнула. — Нас тоже выдадут. Отец уже говорил с дядями. Они смотрят на нас как... как на сделки.

Я не видела их лиц, но чувствовала: как товар, как цену, как выгоду.

Габри взорвалась.

— Они думают, что если ты покорно пойдёшь под венец, то мы тоже проглотим это и скажем спасибо. Но у них ничего не выйдет.

Она была злой, настоящей, живой. Я же — сломанной.

— Я не хочу, — прошептала я. — Я хотела учиться... хотела уехать... Я не готова. Я просто не готова.

Я почувствовала, как Мирабель села рядом. Её руки обняли меня. Я смотрела на неё сквозь слёзы и не могла понять, откуда в ней ещё оставались силы. Её светлые волосы мягко рассыпались по плечам, золотясь в тёплом свете лампы. Она всегда казалась мне чем-то почти невозможным для этого мира — слишком светлой, слишком тёплой. Рядом с ней становилось спокойнее, даже когда она сама молчала.

И сейчас я особенно ясно видела, насколько сильно ей самой было больно. У неё отняли выбор. Отняли будущее, которое она представляла для себя. Ей самой совсем недавно объявили, что её жизнь больше ей не принадлежит. И всё же она сидела рядом со мной. Не говорила, что всё будет хорошо. Не пыталась придумать красивые слова, которым я всё равно не поверила бы. Просто держала меня за руку. Я посмотрела на неё. В её голубых глазах стояли слёзы. Но она улыбнулась мне. Совсем немного. Так, будто хотела отдать мне хотя бы часть своего света, которого у неё самой осталось так мало.

И я вдруг подумала, что Мира всегда была именно такой. Даже когда у неё самой отнимали жизнь, она каким-то чудом

находила в себе силы согреть других. Я придвинулась к ней и уткнулась лбом в её плечо.

Она обняла меня. Крепко. Будто могла своими руками удержать меня от всего, что уже надвигалось на нас обоих.

Я подняла глаза и увидела, как Мирабель глубоко вдыхает, словно собираясь прыгнуть с высоты.

— Есть кое-что, что вы должны знать.

Я замерла.

— Я... — её голос дрогнул. — У меня есть тайная связь. Мир качнулся.

— С кем? — резко спросила Габриэлла.

Я затаила дыхание.

— С Даниэлем Витторе.

Имя прозвучало как выстрел.

Даниэль Витторе.

Человек, чьё имя произносят шёпотом. Человек, которого боятся. Человек, рядом с которым нельзя просто «быть».

Я перестала плакать.

— Что?.. — выдохнула я.

Внутри поднялся ужас. Настоящий. Холодный.

Она с ним. Он может её уничтожить. Он может её сломать.

— Ты сейчас серьёзно? — голос Габриэлы был острым.

— Я не планировала этого, — сказала Мирабель. — Я сопротивлялась. Я знала, чем это грозит. Но... — она замолчала. — Кажется, я что-то чувствую к нему.

Я закрыла рот ладонью. Она выбрала сердце, не долг. Ме-

ня охватило сразу всё: страх, волнение, восхищение, счастье за неё. Она могла. Мирабель рискнула всем. А я — даже не знала, способна ли.

— Ты... ты сильная, — прошептала я, глядя на неё. — Ты справишься.

Но внутри что-то завывало. А если моё сердце так и не узнает, что значит хотеть по-настоящему? Я была в ужасе за неё. И одновременно — бесконечно счастлива. Глаза Мирабель были яркими, словно она вдохнула саму жизнь. Но чем это обернётся? Что будет, если кто-то узнает? Их обоих убьют...

Мы остались с ночёвкой. Я видела страх в глазах Мирабель. Нам не хватало наших вечеров. Конечно же мы все узнали, как зародились их чувства с Даниэлем. Как все зашло, слишком далеко. Я очень люблю своих кузин. Они моя поддержка, моя опора.

Вскоре, недосып дал знать о себе. И я легла на кровать, слушая разговоры Габри и Миры.

Я аккуратно сложила руки на животе, как привыкла с детства. Одеяло лежало ровно. Подушка была на своём месте. Даже дыхание я старалась делать спокойным, будто порядок вокруг мог хоть немного привести в порядок то, что происходило внутри.

Но мысли всё равно приходили.

Даниэль Витторе. Теперь я знала. Знала, что между ним и

Мирабель было то, о чём они так долго молчали. Знала, что она любит его. И, наверное, впервые по-настоящему поняла, насколько это опасно.

Я повернула голову к Мире. Её светлые волосы рассыпались по подушке. Даже во сне она казалась удивительно спокойной. Я не понимала, откуда в ней хватило смелости. Она знала правила. Знала, что в нашем мире чувства ничего не значат, если против них стоит семья. Знала, что за непослушание можно заплатить слишком высокую цену.

И всё равно выбрала его. Не потому, что была глупой. Наоборот. Потому что, наверное, впервые в жизни почувствовала что-то, ради чего была готова рискнуть всем.

Я сжала край простыни. А если я тоже когда-нибудь захочу выбрать? Не мужа. Не фамилию. Не человека, которого мне назовут за несколько месяцев до свадьбы. Хотя бы чувство. Я никогда не думала о любви как о чём-то настоящем. Для меня она всегда существовала только в книгах. В красивых историях, которые можно было закрыть, когда становилось слишком больно.

Но Мирабель заставила меня впервые задуматься о том, что любовь может быть настоящей. И от этой мысли мне стало страшнее, чем от мысли о замужестве. Потому что, если однажды я действительно кого-то полюблю... У меня не будет права выбрать его.

Утро наступило не сразу. Каждая из нас молчала, словно

оттягивая неизбежное. Я видела, как слезы собираются в её глазах. Габриэлла поняла, что ситуацию нужно взять в руки. Она открыла шкаф и достала белый чехол.

— Это платье они выбрали для твоей помолвки?

— Я не знаю, там всё подписано, я не смотрела.

Я видела, как моя сестра не хотела даже смотреть в сторону платья.

Мне так жаль...

— Мира, пора одеваться, они тебя ждут.

Мы помогли ей с платьем и причёской. Когда я разглаживала сладки на платье, она почти не дышала. Я не могу представить, что я тоже буду вынуждена надевать платье на помолвку, улыбаться, говорить слова благодарности.

— Ты выглядишь прекрасно, — сказала Габриэлла, сжимая плечи Мирабель. — Дыши. Всё будет хорошо.

— Хорошо... — ответила она, но голос звучал пусто.

Я взяла её за руку.

— Мы справимся.

Она посмотрела на меня.

И я почувствовала, что эти слова нужны были не только ей.

Мне тоже.

Я пыталась улыбнуться, но мои руки предательски дрожали. В комнату вошла тётя Линда, мать Габриэллы. Она подошла к Мире, и я решила оставить их ненадолго.

Я надела золотистое платье. Оно мягко облегло талию,

ловило свет, переливалось, будто обещало праздник. Но внутри меня было пусто и холодно.

Зал был помпезным. Украшения, напитки, музыка. И она. Стоящая, словно её приносят в жертву у алтаря... Я не любила взгляды, которые могли коснуться меня, не хотела встретиться с отцом. Поэтому, я как всегда, выбрала самое безопасное место. Я встала в углу зала. Это было моё место. Не мешать. Наблюдать. Запоминать.

Музыка текла фоном, бокалы звенели, голоса смешивались в вежливый гул. Все улыбались так, будто это был счастливый день. Будто не знали, что счастье здесь — декорация.

Я смотрела на Мирабель. Белое платье сидело на ней идеально — слишком идеально, как клетка, сделанная по меркам. Её спина была напряжена, плечи — чуть приподняты, словно она всё время готовилась к удару. Она улыбалась. Но я знала эту улыбку. Она была хорошо выученной. Нас с самого детства учили держать лицо на публике.

Габри держалась рядом, злая, как натянутая струна. В её взгляде было больше огня, чем позволено женщине в этом доме. Она никогда не стеснялась в выражениях и предпочитала называть вещи своими именами, не слишком задумываясь о последствиях.

Иногда я удивлялась тому, насколько разными мы были все трое.

Я. Мира. Габри.

Габриэлла всегда была такой, словно молния. Мира — са-

мым светлым человеком, которого я знала.

А я...

Я, наверное, всё ещё пыталась понять, кто я.

Взяв бокал шампанского, я сделала маленький глоток — скорее для вида. Где-то между взглядами мужчин. Между разговорами о союзах и выгоде. Между именами, которые решают всё. Я снова посмотрела на Мирабель — и сердце сжалось. Она стояла рядом со своим будущим мужем, и между ними было пространство. Холодное. Пустое.

Я вдруг ясно поняла: Я не смогу так. Не смогу стоять рядом с чужим человеком и делать вид, что это жизнь. В этот момент я услышала знакомый голос за спиной.

ГЛАВА 4

САНТИНО

Мы приехали вместе: я, Даниэль, Фредо и Валерио.

Несколько часов дороги из Неаполя успели порядком надоесть всем, хотя никто не собирался в этом признаваться. Особенно Даниэлю. Он почти всю дорогу молчал, сидел, откинувшись на спинку сиденья, и смотрел в окно. Иногда отвечал на звонки короткими фразами, а потом снова замолкал.

Я пытался его разговорить.

Безуспешно.

Но стоило мне увидеть дом, как усталость исчезла. Поместье светилось так, будто здесь собирались праздновать не помолвку, а коронацию.

Слишком много людей, которые сегодня собирались улыбаться друг другу, прекрасно понимая, что за этими улыбками скрывается. Такие места всегда пахнут лицемерием и плохими решениями.

Я поправил пиджак и машинально проверил фляжку во внутреннем кармане. На месте. Провёл пальцами по краю брюк, убеждаясь, что второй нож на лодыжке тоже там, где должен быть. Привычка.

Даниэль вышел из машины первым. Он захлопнул дверь

чуть сильнее, чем требовалось.

Мероприятие ему нравилось ещё меньше, чем мне. Он поправил запонки, бросил короткий взгляд на дом и двинулся к входу. Со стороны он выглядел совершенно спокойно. Вот только я слишком хорошо его знал. Его челюсть была сжата. Пальцы несколько раз медленно разжались и снова сжались.

А взгляд...

Если бы им можно было убивать, половина гостей уже не успела бы узнать, что помолвка закончилась. Но Дон Витторе умел держать лицо. Сегодня ему явно приходилось прикладывать для этого усилия.

Я догнал Валерио у ступеней.

— Ну? — тихо спросил я. — Что я пропустил, пока добросовестно изучал документы о торговле?

Валерио даже не улыбнулся. Я сразу перестал шутить.

— Что случилось?

Он посмотрел на Даниэля, который уже поднимался по ступеням.

— Я видел Мирабель и Габриэллу в клубе.

Я нахмурился.

— И?

Валерио на секунду замолчал.

— Какие-то ублюдки решили, что могут к ним полезть.

Мой взгляд стал жёстче.

— Что ты имеешь ввиду?

— Хотели изнасиловать.

Я медленно выдохнул.

Весёлое настроение окончательно исчезло.

— Дальше.

— Один из них полез к Габриэлле. Хотел что-то ей вколоть.

— Что?

Валерио произнёс это уже совсем другим голосом. В его словах появилась злость. Не та спокойная, холодная ярость, которую я привык слышать от него, когда дело касалось работы. Эта была личной. Почти неконтролируемой.

Я внимательно посмотрел на него.

— Ты успел?

— Успел. Я перерезал ему сухожилия.

Я медленно поднял бровь.

— Сухожилия?

— Да.

Он даже не моргнул. Странно. Очень странно. Я знал Валерио много лет. Но сейчас одно имя заставило его говорить так, будто он сам хотел вырвать сердце тому ублюдку.

Габриэлла.

Я чуть прищурился.

Неужели?

Уголок моего рта дёрнулся.

— Что?

Валерио посмотрел на меня.

— Ничего.

— Ты сейчас так посмотрел, будто что-то придумал в своей больной голове.

— Я ничего не придумал.

Он нахмурился.

— Сантино.

Я тихо рассмеялся.

— Ладно. Молчу.

Хотя внутри уже появилась одна очень забавная мысль. Кажется, наш молчаливый Валерио наконец-то попал в неприятности. И, судя по выражению его лица, даже не подозревал об этом.

— А Даниэль? — спросил я, возвращаясь к разговору.

— Двоих убил на улице.

Я перевёл взгляд на Даниэля. Он как раз остановился у дверей. Не обернулся. Но каким-то образом я понял, что он слышал каждое наше слово.

— Габриэлла цела? — спросил я.

— Да.

Я кивнул. Провёл языком по внутренней стороне щеки и посмотрел на поместье. Белые колонны. Музыка. Дорогие машины. Люди в смокингах и вечерних платьях.

— Ну тогда всё ясно.

Валерио покосился на меня.

— Что именно?

Я поправил лацкан пиджака и посмотрел на Даниэля.

— Теперь я понимаю, почему наш Дон выглядит так, буд-

то приехал сюда не на помолвку, а выбирать место для масового захоронения.

Валерио наконец усмехнулся.

Я хлопнул его по плечу.

— Пойдём. Не хочу пропустить самое интересное.

Мы двинулись следом за Даниэлем. Я ещё раз посмотрел на Валерио и едва заметно улыбнулся. Кажется, сегодня я узнал кое-что интересное не только о Моретти.

Мы вошли в зал, и запах приторных духов сразу ударил в мой нос. Фредо хмыкнул, и едва поморщился. Даниэль, смотрел в зал, будто высчитывал траекторию падения каждого из присутствующих.

Мне было... скучно. Та энергия, что сидела во мне, требовала выхода. Не танцев. Не разговоров. Чего-то более... физического. Кулаков. Крови. Ошибки со стороны кого-нибудь достаточно глупого.

Я отошёл от парней и медленно пошёл по залу, сканируя пространство. Охрана Моретти работала чётко, но без фанатизма. Люди расслаблены. Слишком уверены, что сегодня ничего не случится. Именно в такие дни всегда что-то случается.

— Сантино!

Фредо догнал меня у колонны и хлопнул по плечу.

— Сигареты есть? Кажется, я свои потерял.

— Фредо, ты способен потерять собственную голову и за-

метить это только вечером.

— Голова при мне.

— Пока.

Я достал пачку и бросил ему.

— Не привыкай. Это последняя партия благотворительности на сегодня.

— Я всё держу под контролем.

— Именно поэтому через час придёшь за второй пачкой.

— Не приду.

— Придёшь.

— Возможно.

Я покачал головой. Он отсалютовал сигаретой и исчез среди гостей. Я проводил его взглядом и усмехнулся. Иногда мне казалось, что он специально испытывает моё терпение.

Сделав шаг вперёд, поправляя рукав пиджака, я увидел её — Эмму. Я остановился, на этот раз совершенно забыв, что собирался сделать дальше. Она стояла чуть в стороне от основной толпы — как и в прошлый раз. Будто зал существовал отдельно, а она — отдельно от него. В руке бокал, в позе — напряжение, в глазах — тревога, тщательно замаскированная спокойствием.

Золотое платье обтекало её фигуру так, будто ткань знала, что делает. Каждый изгиб был подчёркнут — не вульгарно, а опасно красиво. Средний рост, где-то метр шестьдесят пять, но держалась она так, что казалась выше. Хрупкая. Собранный

ная. Слишком аккуратная для этого хаоса.

Я не подошёл сразу. Подождал. Наблюдал, как она поднимает бокал, как её пальцы слегка дрожат, как она делает вдох, будто готовится к чему-то неприятному. Как подносит бокал к губам.

И ровно в этот момент сказал:

— Разве я не предупреждал, что тебе противопоказаны кислые напитки?

Она вздрогнула. Бокал замер в воздухе.

— Они портят тебе настроение, — продолжил я спокойно, почти лениво. — А сегодня у тебя видимо и без того слишком тяжёлый день.

Она медленно повернулась ко мне. В её глазах сначала мелькнул испуг. Потом — узнавание. Потом — раздражение. Отличный набор.

— Вы снова следите за мной? — спросила она.

Я усмехнулся и кивнул на зал.

— Поверь, если бы я за тобой следил, ты бы это не заметила. Я просто... наблюдательный.

Она фыркнула. Не рассмеялась. Конечно, не рассмеялась.

— Это шампанское, — сухо сказала она. — Оно не кислое.

— Врут, — пожал я плечами. — Как и половина людей здесь.

Её губы дрогнули. Всего на секунду. Я это заметил. И понял, что вечер только начинается.

— Ты снова стоишь в углу, — заметил я. — Это твоя фирменная тактика? Растворяться в стенах?

— Я наблюдаю, — коротко ответила она.

— Значит, мы коллеги.

Она посмотрела на меня с сомнением.

— И что же вы наблюдаете?

Я оглядел зал. Смеющиеся лица. Мужчины с хищными взглядами. Женщины с улыбками, натянутыми сильнее корсетов.

— Забавное место, — произнёс я. — Людей поздравляют с тем, чего они сами не выбирали, и все делают вид, что это счастье.

Бокал в её руке опустился чуть ниже.

— Вы резки в своих высказываниях.

— Мне часто это говорят, — кивнул я. — Обычно перед тем, как согласиться со мной.

Она отвела взгляд и сделала небольшой глоток. Несколько секунд мы молчали.

— Вам здесь весело? — спросила она наконец.

— Нет.

Я даже не стал притворяться.

— Но благодаря твоей компании не всё так печально.

Я усмехнулся. В её взгляде мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Вы невозможный человек.

Она едва заметно улыбнулась.

— Так у вас получилось? — её голос был тихим, осторожным, будто она боялась, что кто-то услышит. — Получилось что-нибудь приготовить из английской кухни?

В голове мгновенно промелькнула картина того, как я пытаюсь сварить хоть что-нибудь съедобное.

— Английская кухня? — я слегка наклонил голову. — Боюсь, мне нужен настоящий профи. Например, такой, как ты.

Она лишь приподняла бровь, сохраняя привычную отстранённость, но я заметил, как уголки её губ едва заметно дрогнули.

— Профи... я? — тихо переспросила она.

Я сделал серьёзное лицо, словно собирался сообщить ей что-то чрезвычайно важное.

— Именно. Я могу сжечь всё на свете, если возьмусь сам. А ты, уверен, спасёшь ситуацию.

Я выдержал короткую паузу.

— Без тебя я не разберусь.

Я заметил, как Эмма опустила взгляд.

Между нами повисло короткое молчание, и она вдруг стала слишком внимательно рассматривать свой бокал, будто именно там находился ответ на все вопросы этого вечера.

Я едва заметно улыбнулся. Она смущалась и изо всех сил пыталась это скрыть.

Мне это нравилось. Не потому, что я хотел поставить её в неловкое положение, — просто впервые она переставала выглядеть так, будто каждое её движение заранее кем-то одоб-

рено.

Несколько раз я ловил её взгляд на себе. Она смотрела украдкой — быстро, почти незаметно, а стоило мне повернуть голову, тут же отводила глаза.

Забавно.

Она явно старалась убедить меня, что моё присутствие её совершенно не волнует. Получалось не очень. Я не стал её дразнить. По крайней мере, пока.

Вместо этого оглядел зал. Музыка, голоса, десятки людей, которые продолжали улыбаться и делать вид, будто этот вечер действительно был поводом для счастья.

Эмма снова посмотрела куда-то в сторону.

Кажется, ей здесь было так же неудобно, как и мне.

Я кивнул в сторону дверей, ведущих в сад.

— Хочешь сбежать отсюда?

Она удивлённо посмотрела на меня.

— Сбежать?

— Ненадолго, — уточнил я. — Пока никто не заметил.

Она машинально взглянула в сторону гостей. Я видел, как в её глазах мелькнуло сомнение. Она понимала, что не должна этого делать. И именно поэтому мне особенно хотелось услышать её ответ.

— Куда?

— В сад.

Я протянул ей руку, но остановился, не касаясь её.

— Обещаю вернуть тебя до того, как твоё исчезновение

станет международным преступлением.

На её губах появилась улыбка.

— Вы преувеличиваете.

— Я? Никогда.

Она тихо рассмеялась и всё-таки пошла следом.

Мы вышли в сад.

Стоило дверям закрыться за спиной, как музыка и голоса остались где-то далеко. Здесь было тихо. Только ветер шевелил листья, а вода в фонтане мерно разбивалась о камень.

Эмма глубоко вдохнула.

Я посмотрел на неё.

— Лучше?

Она кивнула.

— Намного.

Мы пошли по дорожке.

Несколько минут молчали, пока я не решил нарушить тишину.

— Расскажешь какую-нибудь историю из своих книг? — спросил я.

Она посмотрела на меня с лёгким удивлением.

— Про Англию?

— Про Англию.

На её губах появилась улыбка.

— Тогда я расскажу про старые замки.

— С призраками?

— Именно.

И она начала рассказывать.

Сначала — осторожно, будто не была уверена, действительно ли мне интересно. Но стоило мне задать пару вопросов, как она постепенно увлеклась.

Она рассказывала о заброшенных замках, о запертых комнатах, о легендах, которые годами передавались из поколения в поколение. О местах, где люди слышали шаги в пустых коридорах, видели свет в окнах давно заброшенных зданий и клялись, что чувствовали чьё-то присутствие рядом.

Я слушал не потому, что меня действительно интересовали призраки.

Мне нравилось слушать её — настолько, что я уже перестал замечать, о чём она говорит.

Мне было достаточно самого её голоса, чтобы не хотелось, чтобы этот разговор заканчивался.

Она была интересной девушкой. Не потому, что знала много историй об Англии, — она умела говорить так, что мне хотелось узнать историю дальше.

Эмма умела развить любую тему и ответить почти на любой вопрос, который возникал у меня по ходу разговора.

И всё же я замечал, как тщательно она выбирает слова. Иногда начинала говорить свободно, а потом вдруг останавливалась, словно вспоминала, что сказала слишком много. Контролировала каждую фразу, каждую мысль, будто давно привыкла следить за тем, чтобы не позволить себе ничего

лишнего.

И мне почему-то хотелось узнать, что она сказала бы, если бы перестала себя сдерживать рамками дозволенного.

Она шла рядом, увлечённо рассказывая очередную историю, и совершенно не заметила небольшой выступающий камень на дорожке.

Её нога подвернулась. Я среагировал раньше, чем она успела понять, что происходит. Рука мгновенно обхватила её за талию, удерживая от падения.

Эмма замерла.

Я тоже.

Она оказалась слишком близко. Настолько, что я почувствовал её дыхание. Её глаза встретились с моими, и на щеках почти сразу появился румянец.

— Осторожнее, Эмма.

Она быстро опустила взгляд.

— Я... не заметила.

Я посмотрел на её лицо и едва заметно улыбнулся.

— Я уже понял.

Она только сейчас заметила мою руку на своей талии. Её глаза метнулись вниз. Я сразу отпустил её. Между нами снова появилось расстояние. Эмма поправила платье, пытаясь скрыть смущение.

Я заставил себя не улыбаться. Ещё немного — и я бы специально начал искать причины ловить её снова.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Она посмотрела в сторону дома. И я сразу понял.

— Нам пора возвращаться? — спросил я.

Она кивнула.

— Да.

В её голосе снова появилась осторожность. Та самая, от которой она ненадолго избавилась здесь, в саду.

Я посмотрел на двери. И почему-то от одной этой мысли мне стало немного жаль, что прогулка закончилась.

Когда мы вернулись в зал, Эмма сразу изменилась.

Она внимательно огляделась, проверяя, заметил ли кто-нибудь её отсутствие. Её взгляд скользнул по гостям, задержался где-то в глубине зала, а потом вернулся ко мне.

Я понял, что для неё эта прогулка закончилась в тот момент, когда за нами открылись двери.

Жаль.

Мне нравилось видеть её другой: расслабленной, улыбающейся, говорящей без постоянного страха сказать что-нибудь не то.

— Спасибо за прогулку, — сказал я тихо. — Ты сделала этот вечер гораздо приятнее.

— Я рада, что вам понравилось.

Её улыбка стала шире. И именно в этот момент я увидел, как она вдруг перестала улыбаться. Взгляд Эммы скользнул куда-то мне за плечо. Всего на секунду. Плечи напряглись.

Спина выпрямилась. Лицо снова стало спокойным и отстранённым. Словно кто-то напомнил ей, где она находится. Я обернулся, но ничего необычного не заметил. Когда снова посмотрел на неё, прежней Эммы уже не было.

— Мне пора, — тихо сказала она.

Я кивнул.

Хотя мне совершенно не хотелось её отпускать.

— Конечно.

Я бросил взгляд на её бокал.

— Только не допивай эту кислятину.

Я уже собирался отойти, но передумал.

Нет. Не сейчас. Так просто она от меня не отделается.

Я схватил со стола салфетку, вытащил ручку из внутреннего кармана и быстро написал несколько цифр.

— Держи.

Она посмотрела на салфетку, потом на меня.

— Что это?

— Мой номер.

— Зачем?

Я слегка наклонился к ней, чтобы слова не услышал никто лишний. От её волос пахло чем-то лёгким, цветочным. Я вдохнул этот запах прежде, чем успел себя остановить.

— Если тебе понадобится скорая помощь по поднятию настроения... — тихо произнёс я, — позвони мне. Я примчусь, словно ветер.

Она немного приоткрыла рот. В её глазах мелькнуло удив-

ление, а следом — что-то похожее на смех. Он был тихим, едва слышным, но настоящим.

— Сантино... — сказала она, чуть сбившись на вдохе.

Я усмехнулся. Она покачала головой, но ничего не сказала. На этот раз она не стала спорить со мной. Она забрала салфетку из моей руки и быстро спрятала её в сумочку.

— Спасибо. До свидания, синьор Готти.

— До встречи, Эмма.

Она ушла. А я ещё несколько секунд смотрел ей вслед. Я смотрел, как она уходит — маленькая, аккуратная, золотая среди чужих голосов и взглядов.

Я сделал глоток из бокала, который взял со столика и вдруг понял: вкус тот же. Кислый. Я предупреждал.

Где-то в другом конце зала раздался смех. Музыка стала громче. Мир продолжил вращаться, как ни в чём не бывало. Я понял, что задержался, слишком поздно. Музыка сменилась, бокал в моей руке оказался пустым, а я всё ещё стоял там же — в углу зала, где больше не было ни золотого платья, ни тихого голоса, ни зелёных глаз.

— Ты решил здесь поселиться?

Я даже не вздрогнул. Этот голос невозможно перепутать.

— Думаю, арендовать угол, — хмыкнул я. — Вид хороший. Люди мерзкие.

Даниэль встал рядом, скрестив руки. Его взгляд скользнул туда же, куда мой смотрел минуту назад.

— А я думал, ты просто охраняешь стену, — лениво бро-

сил он. — Пока справляешься?

— Не жалуется.

Даниэль усмехнулся.

— Обычно ты задерживаешься только там, где есть либо драка, либо постель.

Я скосил на него взгляд.

— Сегодня без драки. И без постели.

Он приподнял бровь.

— Значит, что-то новенькое.

Я забрал с подноса очередной бокал.

— Сегодня решил разнообразить программу.

— Вижу

Я сделал глоток.

— Лучше скажи, как ты держишься?

Я кивнул в сторону зала.

Мирабель стояла рядом с Франческо. Даниэль перевёл взгляд туда же. На его лице ничего не изменилось. Только челюсть напряглась. Я знал, чего ему стоит это спокойствие.

Каждый раз, когда Франческо наклонялся к Мирабель, взгляд Даниэля становился жёстче. Когда тот касался её руки, пальцы Даниэля сжимались так, будто он уже представлял, как ломает их одну за другой.

Но он стоял.

Не двигался.

Потому что знал: сейчас нельзя.

Мы оба знали, чем закончится эта история.

Я знал его план.

Знал, что на свадьбе Франческо получит то, что заслужил. Знал, что Даниэль заберёт Мирабель. И знал, что после этого расплачиваться придётся не только Франческо. Но и ублюдку Риккардо, который решил продать дочь, словно товар.

— Тяжело? — спросил я тихо.

Он не отрывал взгляда от Мирабель.

— Да.

Одно короткое слово. Я усмехнулся без веселья.

— Ещё немного.

Даниэль посмотрел на меня. В его глазах была такая тихая ярость, что мне на секунду стало жаль даже тех, кто пока ещё не понимал, что именно он для них приготовил.

— Я знаю.

Он снова посмотрел на Мирабель. Она стояла рядом с Франческо и старалась улыбаться. И я понял, что именно это причиняло Даниэлю боль сильнее всего. Он мог убить любого человека в этом зале. Мог забрать её прямо сейчас. Но тогда пострадала бы она. Поэтому он терпел. Пока терпел.

— Я убью его, Сантино. Всех их. Тех, кто годами причиняет людям боль. Тех, кто отнимает отцов у сыновей, а у дочерей — право выбора.

Я посмотрел на него.

— Она боится.

Даниэль медленно кивнул.

— Я знаю.

Он говорил тихо. Почти спокойно. От этого становилось только страшнее.

— Они ответят за каждую её слезу.

Я несколько секунд молчал.

— Ты уверен, что выдержишь?

Он усмехнулся.

— Осталось совсем чуть-чуть.

Его взгляд снова остановился на ней.

— Я выдержу всё что угодно, если в конце она будет со мной.

Я ничего не ответил. Просто похлопал его по плечу. Потому что больше ему сейчас ничего не было нужно. Мы оба знали: это только начало.

Я заметил Франческо ещё до того, как он подошёл к Мирабель. Сначала он просто оказался рядом. Потом подошёл слишком близко. Я увидел, как она отступила на шаг. Как напряглись её плечи. Как она попыталась улыбнуться, чтобы никто ничего не заметил.

Мои пальцы сами собой сжались. Мерзкий ублюдок. И в ту же секунду я понял, что будет дальше, если Даниэль останется здесь. Не будет крика. Не будет сцены. Не будет предупреждения.

Он просто подойдёт и убьёт его.

Прямо здесь.

При всех.

А потом рухнет всё, что мы так долго выстраивали. Я быстро повернулся к нему.

— Пойдём.

На этот раз он не сопротивлялся. Мы сделали несколько шагов в сторону выхода. Но перед тем, как отвернуться, Даниэль ещё раз посмотрел на неё.

Я видел этот взгляд не первый раз, но сейчас в нём было что-то другое. Не просто ярость — обещание.

Он запомнил всё: каждую её слезу, каждый испуганный взгляд, каждое прикосновение, которое ей пришлось терпеть.

Я отвёл его оттуда.

Я хотел убить этого ублюдка не меньше него, но эта смерть должна была принадлежать Даниэлю. И я собирался проследить, чтобы он получил её.

Просто не сегодня.

Сегодня я должен был сохранить его голову холодной, потому что завтра ему понадобится вся его расчётливость.

А Франческо ещё даже не представлял, что именно ждёт его.

Его приговор уже был вынесен. Просто он пока об этом не знал.

ГЛАВА 5

САНТИНО

Я усилил тренировки.

Каждый день. По несколько часов подряд. До жжения в мышцах, до тяжести в руках, до той приятной усталости, когда мысли наконец становятся тише.

Мне это было нужно.

Не потому, что я не умел справляться с эмоциями. Наоборот. Я слишком хорошо умел их контролировать. В нашем мире вообще не слишком любили разговоры о чувствах. Здесь ценились выдержка, холодная голова и способность не показывать врагу больное место.

Я довольно рано понял простую вещь: если люди знают, что тебе дорого, однажды они обязательно попробуют это отнять.

Поэтому я научился держать при себе всё, что действительно имело значение.

Я смеялся громче остальных. Мог заговорить с любой женщиной. Мог превратить неловкое молчание в смех, а напряжённую ситуацию — в повод заказать ещё один стакан.

Мне нравилось наблюдать за людьми. Особенно за теми, кто считал, что знает меня.

Обычно они видели только то, что я им позволял.

Беспечный.

Самоуверенный.

Иногда невыносимый.

Слишком любящий женщин и слишком не любящий обязательства.

Прекрасный образ.

И главное — удобный.

Пока все думают, что тебе всё безразлично, никто не спрашивает, что ты на самом деле чувствуешь.

Если мне хотелось поговорить — я говорил. Если не хотелось — переводил тему. А если становилось совсем тяжело — тренировался до тех пор, пока тело не начинало требовать отдыха раньше, чем мысли успевали меня догнать.

Простой метод.

Работал безотказно.

По крайней мере, раньше.

После той прогулки с Эммой почему-то стало сложнее. Я сам не понимал, зачем продолжал вспоминать её смех. Не тот осторожный, который она позволяла себе в зале.

Настоящий.

Свободный.

Тот, который слышал только я.

Я сильнее ударил по груше.

Даниэль сейчас жил одной мыслью — Мирабель. Я видел это по нему. Даже когда он молчал, всё его внимание будто оставалось рядом с ней. Она была словно свет, указывавший

ему правильный путь.

Он знал, чего хочет. Знал, ради чего готов идти до конца. И эта мысль неожиданно ударила меня сильнее очередного удара.

А я?

У меня было всё, что обычно называют хорошей жизнью. Деньги. Свобода. Друзья. Работа, в которой я был хорош. Женщины, которые никогда не заставляли меня скучать.

Я мог смеяться, пить, драться, просыпаться в чужой постели и на следующий день снова жить так, будто ничего не произошло.

И меня это устраивало.

По крайней мере, раньше.

Но если однажды всё это закончится... что останется?

Я не знал.

Наверное, впервые в жизни мне стало интересно не то, чего я хочу сейчас, а ради чего вообще хочу жить.

Похоже, мне действительно пора усилить тренировки.

Зал пах железом, потом и злостью. Я любил этот запах. Груша раскачивалась передо мной, и каждый удар возвращал её обратно. Я не выплёскивал ярость. Я её направлял.

Краем глаза я заметил Фредо. Он работал рядом, слишком усердно для человека, который просто решил немного потренироваться. Майка прилипла к спине, дыхание сбилось, но он продолжал.

Я остановился.

— Ты когда успел так накачаться? Я тебя на пару дней оставил без присмотра, а ты уже решил меня заменить?

Фредо даже не повернулся.

— Завидуешь?

— Тебе? Конечно. Я всю жизнь мечтал выглядеть как шкаф.

— Сам ты шкаф.

— Осторожнее. Я могу обидеться.

Фредо усмехнулся и продолжил поднимать вес.

— Просто тренируюсь.

— Вижу. Ещё немного — и начнёшь ходить по дому без футболки, чтобы все заметили.

— А ты сейчас что делаешь?

Я посмотрел на себя в зеркало.

— Демонстрирую природное совершенство. Это другое.

— Какое же ты всё-таки придурок.

— Я неповторим.

Он рассмеялся и снова взялся за штангу.

— Скромность явно обошла тебя стороной.

— Да. Её я направил прямиком к тебе.

Фредо всё сильнее стремился доказать, что он уже не ребёнок, которого нужно держать подальше от серьёзных дел. Ему хотелось, чтобы Даниэль видел в нём человека, на которого можно положиться, а не младшего брата, которого нужно защищать.

Я понимал Даниэля. Он просто не хотел признавать, как быстро вырос Фредо.

Ему уже восемнадцать. Посвящение он прошёл ещё в тринадцать и несколько лет провёл рядом с семьёй, постепенно входя в её дела.

Фредо уже успел доказать, что способен выдержать многое. Он быстро соображал, хорошо чувствовал людей и умел держать язык за зубами.

Для нашего мира этого было более чем достаточно.

— Не загоняй себя, — сказал я.

— Я в порядке.

— Ну конечно. А я монах.

Фредо закатил глаза.

— Сантино...

Он поставил вес и вытер лицо полотенцем.

Несколько секунд мы молчали.

— Что случилось?

— Ничего.

— Фредо.

Он вздохнул.

— Я с каждым днём всё больше ужасаюсь тому, через что проходит мой брат. Ты же понимаешь, какой груз ответственности на него свалился?

Я молча смотрел на него.

— Он только занял кресло отца, а уже должен удерживать весь Юг, следить за Западом, разбираться с врагами и одно-

временно жить с мыслями о том, что убийца нашего отца жив и ходит как ни в чём не бывало. Ты же знаешь лучше меня, что Запад, даже при условии того, что сейчас он под нашим контролем, может вспыхнуть в любой момент?

— Понимаю.

— Я знаю, что первым делом им движет месть. Я знаю Даниэля. Он не отступит, пока не отомстит за нашу кровь.

Фредо сжал полотенце в руках.

— Но я не хочу, чтобы он растворился в этой мести. Чтобы однажды от моего брата остался только холодный Дон Витторе.

Я несколько секунд молчал. Вот теперь я понял, что именно его мучило.

— Даниэль не один, — сказал я.

— Я знаю.

В его голосе не было ни капли сомнения в брате.

— Он по праву сидит в кресле отца, Сантино. Я никогда в этом не сомневался.

Даниэль был именно тем человеком, который должен был возглавить клан Витторе: холодным, расчётливым, достаточно жестоким, когда требовалось, и достаточно умным, чтобы не позволить этой жестокости управлять им.

Проблема была не в том, справится ли он. Проблема была в том, что от него останется после того, как он закончит.

Я подошёл ближе и хлопнул Фредо по плечу.

— Тогда запомни одну вещь, Фредо. Мы не дадим ему

пройти через это одному.

Я сделал паузу.

— Он дал клятву. И ты знаешь его: если он решил довести дело до конца, его ничто не остановит.

Мы снова встали у тренажёров.

И, пока продолжали тренировку, я думал о Даниэле. О том, что он сейчас делал. О том, что ему предстояло.

И о том, что Фредо был прав в одном: мы действительно могли его потерять.

Но вслух я этого не сказал.

Некоторые вещи младшему брату знать не нужно.

Пока.

После тренировки я поднялся на кухню, открыл холодильник, достал еду, сел прямо так — в пропитанной потом футболке.

Телефон зазвонил.

Валерио.

— Говори, — сказал я, жуя.

— На одном из складов поймали шпионов, — без приветствий. — Следили за поставками. Работали аккуратно.

Я усмехнулся.

— Ты прервал один из самых интимных моментов моей жизни.

— Разберись сам, возьми с собой пару людей. — добавил он. — Главное сделай все без шума.

— Я понял, — ответил я. — Сегодня веселье только начинается.

Я отключился и посмотрел на Фредо.

— Добро пожаловать во взрослую жизнь, сегодня я побуду твоим старшим братом.

Он улыбнулся и кивнул. Мы подъехали к складу глубокой ночью. Внутри уже ждали люди Валерио. Двое мужчин сидели на полу, связанные по рукам. Оба выглядели так, будто уже успели понять, чем закончится эта ночь.

Я остановился перед ними.

— Ну что, господа, — протянул я, — кто-нибудь хочет первым рассказать мне, зачем решил провести вечер на территории Витторе?

Молчание.

Я улыбнулся.

— Хорошо. Люблю, когда люди заставляют меня проявлять фантазию.

Я присел перед одним из них.

— Имя.

Он промолчал.

— Работодатель?

Тишина.

— Любимый цвет?

Фредо хмыкнул.

Я бросил на него взгляд.

— Не мешай. Я устанавливаю контакт.

Один из лазутчиков неожиданно рассмеялся.

— Ты думаешь, что мы тебя боимся?

Я расплылся в улыбке.

— Нет.

Я медленно поднялся.

— Я думаю, вы пока просто не понимаете, чего именно вам стоит бояться.

Я сделал шаг к нему.

— Кто вас прислал?

— Никто.

— Как скучно.

Я уже собирался продолжить, когда второй мужчина резко дёрнулся. Всё произошло за секунду. Он вырвал руку из хватки одного из людей Валерио, схватил нож и метнул его в своего напарника. Лезвие вошло тому в шею. Тот захрипел и повалился набок. На несколько секунд в помещении стало абсолютно тихо. Я медленно повернул голову к убийце.

— Вот это, — произнёс я с восхищением, — я понимаю.

Он тяжело дышал.

— Он бы заговорил.

Я медленно перевёл взгляд на него.

Улыбка сама собой стала шире.

— А ты, значит, не заговоришь? — Какая преданность, — протянул я. — Даже немного трогательно.

Я присел перед ним и взял его руку.

— Но знаешь, что самое забавное? У меня впереди целая

ночь, и, поверь мне, ты расскажешь мне всё, начиная с того, как тебя первый раз макнули головой в унитаз.

Он дёрнулся, но двое наших солдат удержали его.

Я достал свой любимый нож.

— Последний раз спрашиваю. Кто вас прислал?

— Я ничего не скажу.

— Хорошо.

Я пожал плечами.

— Тогда начнём с малого.

Я взял его кисть в свою руку и вонзил лезвие прямо между фалангами. Он заорал. Я спокойно вытер нож о платок. Люди вроде него всегда думают, что способны выдержать боль. Проблема в том, что боль — самая простая часть. Гораздо сложнее выдержать ожидание следующего действия.

— Ты ведь считаешь себя сильным?

Молчание.

— Уверенным?

Он смотрел на меня исподлобья.

— Даже немного героем?

Я наклонился к нему.

— Кто вас отправил?

— Я ничего не скажу.

— Конечно, скажешь.

— Нет!

Я рассмеялся.

Он сплюнул кровь мне под ноги.

— Пошёл ты.

Я усмехнулся, схватил его за воротник и заставил поднять голову.

— Ты ведь считаешь себя крепким орешком, да?

Он ничего не ответил.

— Так давай проверим.

Я прижал его руку к полу и одним движением отрезал грёбаную кисть. Его крик ударил по стенам склада. Лужа крови уже начала подступать к моим ногам.

— Ну?

Он задыхался, корчась от боли.

— Рикардо... — выдавил он наконец.

Улыбка медленно вернулась на моё лицо. Вот теперь всё вставало на свои места. Я выпрямился.

— Ну вот.

Я посмотрел на Фредо.

— Я же говорил, что вечер не будет скучным.

Я снова перевёл взгляд на шпиона.

— Кто ещё?

Он назвал несколько имён. Я запомнил каждое. Маршруты. Поставки. Люди. Информация, которую они собирали. Всё складывалось в одну картину. Рикардо уже начал шевелить своими людьми. Значит, он нервничал.

А если нервничал — значит, чувствовал, что теряет контроль.

Я улыбнулся.

— Спасибо.

Он посмотрел на меня с ненавистью.

— За что?

— За то, что сэкономил мне несколько дней.

Я достал нож и вонзил его прямо до рукояти.

— А теперь можешь передать привет своему другу.

Через несколько минут склад снова погрузился в тишину.

Я убрал нож.

— Поехали.

Фредо задержался у двери.

— Грёбанный Рикардо. Я с нетерпением жду момента, когда Даниэль прикончит его.

— Скоро, мой друг, это случится очень скоро.

Фредо усмехнулся.

Вернувшись домой, я быстро принял душ и переоделся. Завтра — тренировка. Мне нужно лично проверить наших солдат. Не потому, что я сомневался в них. Наоборот. Я хотел знать, на что каждый способен, когда всё перестаёт быть просто тренировочным боем в клетке. До свадьбы оставалось совсем немного. Значит, расслабляться не мог никто.

К дому Даниэля я приехал на следующий день.

Солнце уже поднялось высоко, заливая фасад тёплым светом. Во дворе царила тишина. Я вышел из машины, поправил пиджак и направился к дому. Сегодня предстояло много работы. А времени становилось всё меньше. У входа меня

уже ждал Гаспар — один из капитанов. Увидев меня, он широко улыбнулся.

— Сантино. Чёрт, наконец-то.

— Гаспар. Выглядишь так, будто без меня здесь совсем заскучали.

— Даже не представляешь насколько.

Мы крепко пожали руки.

— Рад тебя видеть.

— Взаимно.

Гаспар кивнул в сторону дома.

— Люди уже внизу. Все двенадцать.

Я затушил сигарету и пошёл внутрь. Я собрал их в нижнем зале. Двенадцать человек стояли полукругом. Я остановился перед ними.

— Завтра вы не солдаты.

Тишина.

— Завтра вы гости.

Я медленно прошёл вдоль строя.

— Кто-то будет в костюме. Кто-то — среди обслуживающего персонала. Кто-то окажется рядом со входом. Кто-то — в саду. Вы будете разговаривать, улыбаться, пить, делать вид, что пришли посмотреть на красивую свадьбу.

Я усмехнулся.

— Но запомните главное: не начинайте первыми. — Пока Даниэль не даст сигнал, вы обычные люди на чужом празднике. Не достаёте оружие. Не провоцируете. Не геройствуете.

те.

Мой взгляд прошёл по каждому лицу.

— Когда всё начнётся, каждый знает, куда двигаться. Никто не ищет приказов в последний момент. Никто не спрашивает, что делать. Вы уже должны это знать.

Гаспар кивнул.

— Мы не можем позволить себе толпу, которая мешает нам работать. Поэтому ваши позиции рассчитаны так, чтобы вы могли двигаться независимо друг от друга. Если начнётся хаос — вы не собираетесь в одну кучу. Вы становитесь тем, чем должны быть.

Я сделал короткую паузу.

— Стеной вокруг своих. Поэтому завтра никто не должен забывать, кто отдаёт приказ.

В зале стало совершенно тихо. Я подошёл ближе, ткнул пальцем в первого:

— Ты — балкон. Визуальный контроль входов. Движение — докладываешь сразу. Даже если это бабушка с сумкой.

— Ты и ты, — я указал на двоих, — кухня и служебные коридоры.

Я посмотрел на Гаспара.

— Пройдёмся по позициям ещё раз.

— Как скажешь.

И снова посмотрел на людей перед собой.

— Если я упаду, — продолжил я спокойно, — Валерио принимает командование. Если упадёт он — Фредо.

Я обвёл их взглядом.

— Никакой паники. Никаких попыток найти меня. Вы продолжаете выполнять задачу.

Короткая пауза.

— Завтра всё может закончиться за несколько минут, а может растянуться на часы. Поэтому каждый из вас должен знать, что делать, даже если рядом больше не останется ни одного знакомого лица.

Я поправил рукав пиджака.

— И последнее. Мы не ищем смерти. Мы пришли закончить дело.

Я прошёлся вдоль строя ещё раз.

— Вы не охраняете стены, не охраняете мебель. Вы охраняете людей.

Мой голос стал тише:

— А значит, завтра каждый из вас отвечает за свой участок так, будто от него зависит вся семья.

Несколько секунд никто не говорил. Потом Гаспар коротко кивнул:

— Всё будет сделано.

— Поэтому я и выбрал вас.

Я развернулся к выходу:

— А теперь идите и сделайте так, чтобы завтра мне было не скучно.

Ну что ж, — пробормотал я. — Посмотрим, кто сегодня решил сыграть с Витторе в рулетку.

И пошёл проверять оружие. Стрельбище было пустым. Я разложил оружие на столе аккуратно, почти педантично. Проверил магазин, затвор, предохранитель. Всё должно работать идеально. Выстрел разрезал воздух. Отдача привычно ударила в плечо. Мишень дёрнулась.

— Всё ещё бьёшь без промаха.

Я не обернулся. Узнал голос сразу.

— Кто-то же должен, — усмехнулся я.

Даниэль встал рядом. В чёрном. Как всегда собранный. Он взял пистолет, прицелился. Выстрел. Идеально.

— Я раньше думал, что знаю, чего хочу.

— Месть?

— Месть была простой.

Он провёл ладонью по затылку.

— Я мог найти виновных, выстроить план, уничтожить каждого, кто стоял между мной и целью.

— А потом появилась она.

Я промолчал.

— И всё стало сложнее.

В голосе Даниэля не было слабости. Только усталость человека, который слишком долго пытался решить то, что нельзя решить силой.

— Я хочу забрать её. Хочу показать ей жизнь, которой она достойна.

Он говорил спокойно, но я слишком хорошо его знал, чтобы не слышать того, что стояло за этими словами.

— Не потому, что она принадлежит мне. И не потому, что я хочу выиграть у него ещё одну партию. Раньше я хотел уничтожить Рикардо за то, что он сделал с моим отцом.

Он покрутил фамильное кольцо на своей руке.

— Теперь я хочу уничтожить его ещё и за то, что он сделал с ней.

Вот теперь всё было понятно. Месть никуда не делась. Просто теперь у неё появилась ещё одна причина.

— Ты влип, мой друг.

На губах Даниэля появилась едва заметная усмешка.

— Похоже на то.

Я хмыкнул.

— Но самое ироничное — это то, что ты можешь пройти этот кровавый путь, который обязательно приведёт тебя к свету, которого ты так заслуживаешь.

Он снова взял оружие.

— Просто теперь мне есть ради кого идти до конца.

И снова выстрелил.

Ночь была из тех, что не дают тишиной, а звенят ею. Я сидел на краю стола, перебирая магазин. Патроны щёлкали ровно, без спешки. Валерио стоял у окна и подряд курил сигареты. Он всегда курит, когда погружается в свои мысли слишком глубоко.

Он всегда был умным. Тихим, спокойным и до раздражения рассудительным.

Привык просчитывать каждый свой шаг ещё до того, как сделать первый. Пока я действовал, он уже думал о том, что будет после.

Иногда мне казалось, что в его голове на любой наш поступок существовало ещё пять возможных вариантов развития событий.

— Ты перераспределил людей на южном выходе?

— Да.

— И сам остаёшься рядом с Даниэлем?

— Разумеется.

— Тогда ты понимаешь, что именно там будет самое горячее место?

— На то и рассчитываю. Если Даниэль окажется под огнём, я хочу быть достаточно близко, чтобы первым начать стрельбу.

Валерио кивнул.

— Помнишь, как мы давали клятву, — продолжил я. — Не ему как человеку. Не титулу. — Я коротко выдохнул. — Мы клялись роду. Имени. Тому, что было до нас и будет после.

Он затушил сигарету, раздавив её пальцами.

— Хорошо. Тогда я переставлю людей так, чтобы прикрыть и тебя. Ты понимаешь, что назад дороги не будет?

Я вставил магазин в оружие.

— А она когда-нибудь была?

Несколько секунд мы молчали. Он первым направился к

двери. У самого выхода остановился.

— Если что-то случится...

— Не случится.

— Ты даже не знаешь, что я хотел сказать.

— Знаю.

Валерио усмехнулся.

— Самоуверенный ублюдок.

Костюм сидел идеально. Чёрный, без излишеств. Такой, в котором удобно не только стоять рядом с Доном, но и падать на пол. Я поправил манжету и ещё раз взглянул в зеркало. Спокойный. Именно таким меня должны были видеть.

На столе лежало оружие. Я проверил всё необходимое без лишней суеты. Не потому, что сомневался. Просто перед серьёзным делом я любил знать, что всё на своём месте.

Сегодня ошибок не будет. Я надел пиджак, поправил воротник и усмехнулся собственному отражению.

— Красив, зараза.

Знал, чем всё может закончиться. И знал ещё кое-что. Даниэль не должен пасть сегодня. Пока я рядом.

— Ну что, Сантино?

Улыбка сама появилась на губах.

— Пора испортить кому-то свадьбу.

Я вышел во двор. У особняка Витторе уже собирались машины. Одна за другой они занимали место у ворот, пока двор не превратился в тихую, организованную систему. Лю-

ди прибывали небольшими группами. Сегодня все знали, зачем мы едем.

Фредо появился одним из первых. Чёрный костюм, уверенная походка.

— Неужели ты решил выглядеть прилично? — бросил я.

— Ты тоже мог подготовиться.

— Я подготовился. Я пришёл.

Он усмехнулся и направился к машинам. Валерио уже проверял список людей. Гаспар коротко переговаривался с капитанами. Остальные занимали свои места без суеты.

Даниэль вышел последним. Во дворе сразу стало тише. Он не произнёс ни слова. Ему и не требовалось. Все понимали, кто сегодня ведёт нас.

— Все готовы?

— Да, Дон.

Одно короткое слово. Даниэль кивнул. Я занял место рядом с ним. Колонна начала двигаться. Сначала медленно, покидая территорию поместья, затем машины одна за другой вышли на дорогу.

Даниэль сидел рядом с окном. Валерио просматривал сообщения, периодически уточняя последние детали. Фредо молчал, но по тому, как он держался, было ясно: он ждал этого дня не меньше остальных.

За окнами сменялись пейзажи. Неаполитанский воздух постепенно остался позади, дорога вытянулась перед нами, а

вместе с ней исчезало последнее ощущение обычной жизни.

Когда мы приехали, то сразу растворились в толпе. Территория праздника была украшена с показной роскошью: белые цветы, стекло, золото, лица людей, пришедших праздновать союз, обречённый ещё до начала.

Я занял своё место почти автоматически — справа от Даниэля. Глаза скользили по залу, отмечая выходы, отражения в зеркалах, расположение охраны и каждое движение, которое выбивалось из общей картины.

И тогда я увидел её.

Лисичка стояла у колонны, чуть в стороне от остальных женщин. Золотистое платье ловило свет, делая её заметной даже там, где она старалась быть тенью. Спина прямая. Плечи напряжены. Ни улыбки. Мне понадобилась доля секунды, чтобы понять: я смотрю слишком долго.

Уже успел соскучиться по этим вечно хмурым бровкам.

Музыка сменилась. Гул голосов стал тише. Я снова перевёл взгляд — и поймал её глаза. В них мелькнул настоящий шок. Она явно не понимала, что я здесь делаю. Я едва заметно улыбнулся и подмигнул ей. И вот тут внутри произошло что-то странное. Лёгкий трепет. Почти незаметный, но совершенно настоящий.

Не то волнение, которое бывает перед дракой. Не азарт. Не привычное удовольствие от игры. Что-то другое. Я не стал разбираться. Не время. Да и вообще, когда женщина заставляет тебя задуматься о собственных чувствах посреди

вооружённой операции — это уже подозрительно.

Когда Даниэль сделал шаг вперёд, воздух изменился. Плотный. Тяжёлый. Так бывает перед грозой, когда птицы уже замолкают, а люди ещё улыбаются, не понимая, что через секунду станет поздно.

Я остался сбоку. Чуть левее — так, чтобы видеть всё.

Франческо стоял напротив с самоуверенностью человека, который уже считает победу своей. Рикардо был спокойнее. Слишком спокоен. Я знал этот взгляд. Таким он становился перед грязной работой.

Священник поднял голос:

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы соединить этих двоих...

Ах, господи. Прости.

Даниэль нанёс удар. Хруст колена прошёл по залу, как трещина по стеклу. Кто-то вскрикнул. Музыка оборвалась. Улыбки исчезли. Я медленно выдохнул.

Началось. Всё внутри встало на свои места. Мышцы вспомнили работу. Сознание стало холодным. А вместе с ним пришло то состояние, которому меня учили с детства: не думать о страхе, не задавать вопросов и не сомневаться в приказе.

Когда твой Дон делает первый шаг, семья должна быть готова сделать остальные.

Фредо был там, где должен: разъярённый, оружие уже в руке. Никакой паники. Только концентрация.

Хорошо.

Валерио даже не смотрел на Франческо. Его внимание уже ушло дальше — в толпу, к выходам, к тем, кто слишком быстро начал двигаться.

Правильно.

Когда нож прошёлся по горлу Франческо, зал взорвался криками. Кровь хлынула на мрамор. Обратной дороги больше не существовало. И тогда прозвучал щелчок. Я развернулся.

Рикардо.

Пистолет уже смотрел прямо в Даниэля. Я понял всё в одну секунду. Не было времени кричать. Не было времени предупредить. Я просто шагнул между ними.

Закрыл Даниэля собой.

Выстрел ударил в грудь. Удар оказался таким сильным, будто меня сбила машина. Воздух вышибло из лёгких, ноги подломились. Но я всё ещё стоял. Даниэль был позади меня. Жив. Именно этого я и хотел. Если Рикардо решил стрелять в моего Дона, сначала ему пришлось попасть в меня.

Наконец ноги перестали держать. Даниэль подхватил меня, не дав рухнуть на пол. Его лицо оказалось совсем близко, но черты уже начинали расплываться. Я увидел в его глазах ярость. И понял: он всё осознал.

Я сделал именно то, ради чего стоял рядом с ним все эти годы.

Защитил своего Дона.

Собственной жизнью.

Я заставил себя вдохнуть.

— Дон не тот, кто правит... — голос прозвучал хрипло.

— Дон тот, за кого идут умирать.

Пафосно. Чёрт. Даже умирать я умудрился с красивой фразой. Но я не жалел. Даниэль был жив. Значит, всё правильно.

Я успел. Если бы пришлось повторить — сделал бы то же самое.

А потом начался ад. Выстрелы ударили одновременно со всех сторон. Люди Рикардо не стреляли вслепую. Они знали, куда бить.

Капитаны. Периметр. Наши люди.

— ЛЕВО!

Валерио уже работал.

Ни одного лишнего движения. Один выстрел — одна цель. Он не стрелял в толпу, не тратил патроны на страх. Он убирал тех, кто представлял угрозу.

Фредо прикрывал Даниэля. Выстрел. Смена позиции. Снова огонь.

Вот теперь я действительно мог расслабиться.

Он справлялся.

Мой взгляд снова поплыл. Грудь горела так, будто внутри разожгли костёр. Но где-то на краю сознания оставалась одна мысль:

Даниэль жив.

И пока он жив, клан Витторе не падёт.

Я хотел встать. Тело не слушалось.

Кровь была повсюду. Она пропитывала рубашку, стекала по боку, собиралась подо мной тёмным пятном. Ещё недавно мне было жарко, теперь холод медленно поднимался от пальцев к груди.

Я попытался сделать вдох. Получилось с трудом.

Вокруг всё превратилось в сплошной гул. Крики, выстрелы, разбитое стекло. Кто-то звал на помощь, кто-то плакал.

Музыка всё ещё играла где-то вдалеке, совершенно неуместная среди этого кошмара.

И тогда среди всего этого хаоса появился рыжий цвет.

Эмма.

Её уводили прочь.

Охрана держала её за руки, пытаясь вывести из сада.

— Нет! — её голос прорезал грохот. — Отпустите меня!

Она вырывалась так отчаянно, что двое мужчин едва удерживали её. Потом наши взгляды встретились. Она увидела кровь. Мою. Я никогда не видел такого выражения на её лице.

Ужас.

Настоящий, неприкрытый ужас. Глаза уже были полны слёз.

— Сантино... — моё имя сорвалось с её губ почти беззвучно.

Она снова рванулась.

— Отпустите меня!

На этот раз ей удалось выскользнуть. Она побежала. Прямо ко мне.

Я хотел остановить её. Хотел сказать, чтобы она уходила. Чтобы не смотрела. Чтобы не запоминала меня лежащим в собственной крови.

Хотел пошутить. Сказать что-нибудь привычное. Что-нибудь вроде: «Лисичка, я просто решил немного полежать». Но губы не слушались. Эмма упала рядом со мной на колени.

— Смотри на меня, — её голос дрожал. — Сантино, пожалуйста. Смотри на меня.

Я попытался.

Её лицо расплывалось перед глазами, но глаза я видел: огромные, мокрые от слёз и совершенно потерянные.

— Ты слышишь меня?

Я едва заметно кивнул.

— Хорошо... хорошо.

Она сама не верила тому, что говорила. Руки тряслись так сильно, что она несколько раз едва не выронила ткань.

— Мне нужно остановить кровь.

Она прижала её к моей груди.

Я резко вдохнул.

Боль прошла через всё тело.

Эмма испуганно втянула воздух.

— Прости... прости, я знаю.

Она сильнее прижала ткань.

— Потерпи. Пожалуйста.

Где-то совсем рядом раздались новые выстрелы.

Эмма вздрогнула, но не отступила.

— Не закрывай глаза, — её голос сорвался. — Только не закрывай.

Я смотрел на неё.

Слёзы катились по её щекам, а она даже не пыталась их вытереть.

— Всё будет хорошо, — повторяла она. — Слышишь? Всё будет хорошо.

Я хотел усмехнуться.

Ну конечно.

Лгунья.

Ничего хорошего здесь не было.

Но почему-то мне хотелось ей поверить.

Она наклонилась ближе.

— Ты же не оставишь меня сейчас?

Вот это была вторая пуля, которую я поймал.

Только первая прошла через грудь, а эта попала прямо в сердце.

Она сидела в луже моей крови. Её платье было испачкано, руки дрожали, по щекам текли слёзы, а она всё равно продолжала прижимать ткань к моей ране, будто могла удержать меня здесь одной силой воли.

Эмма.

Девушка, которая ещё недавно едва позволяла себе улыб-

нуться мне, сейчас держала меня так, словно моя жизнь действительно имела для неё значение.

Я не понимал, почему она вообще осталась.

Почему не убежала. Почему ей было настолько страшно меня потерять. Я никогда не считал себя человеком, которого нужно спасать. Я всегда был тем, кто спасает других. А теперь она сидела в моей крови и отчаянно пыталась сохранить мне жизнь. И какая-то часть меня не могла поверить, что я вообще достоин такого.

Я хотел сказать ей, что не стою её слёз, что ей не нужно пачкать руки ради меня, что ей вообще не следовало быть здесь.

Но вместо слов вышел только слабый выдох. Она сжала ткань сильнее.

— Я здесь, — прошептала она. — Я тебя не оставлю.

И мне стало не страшно умереть. Мне стало страшно не успеть понять, почему именно её голос заставляет меня цепляться за жизнь.

Потому что впервые в жизни мне действительно хотелось остаться.

Не ради долга.

Ради неё.

Её ладонь лежала на моей груди.

А вокруг продолжался ад.

Крики становились всё громче. Сознание снова начало проваливаться.

— Сантино!

Она схватила меня за лицо обеими руками.

— Нет. Смотри на меня!

Я собрал последние силы и снова открыл глаза.

Рыжие волосы упали ей на лицо.

Она была такой красивой.

Даже сейчас.

Особенно сейчас.

Слёзы блестели на её ресницах.

Последнее, что я почувствовал, — её ладонь на моей груди и её голос совсем рядом:

— Я здесь. Я никуда не уйду.

А потом темнота накрыла меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.